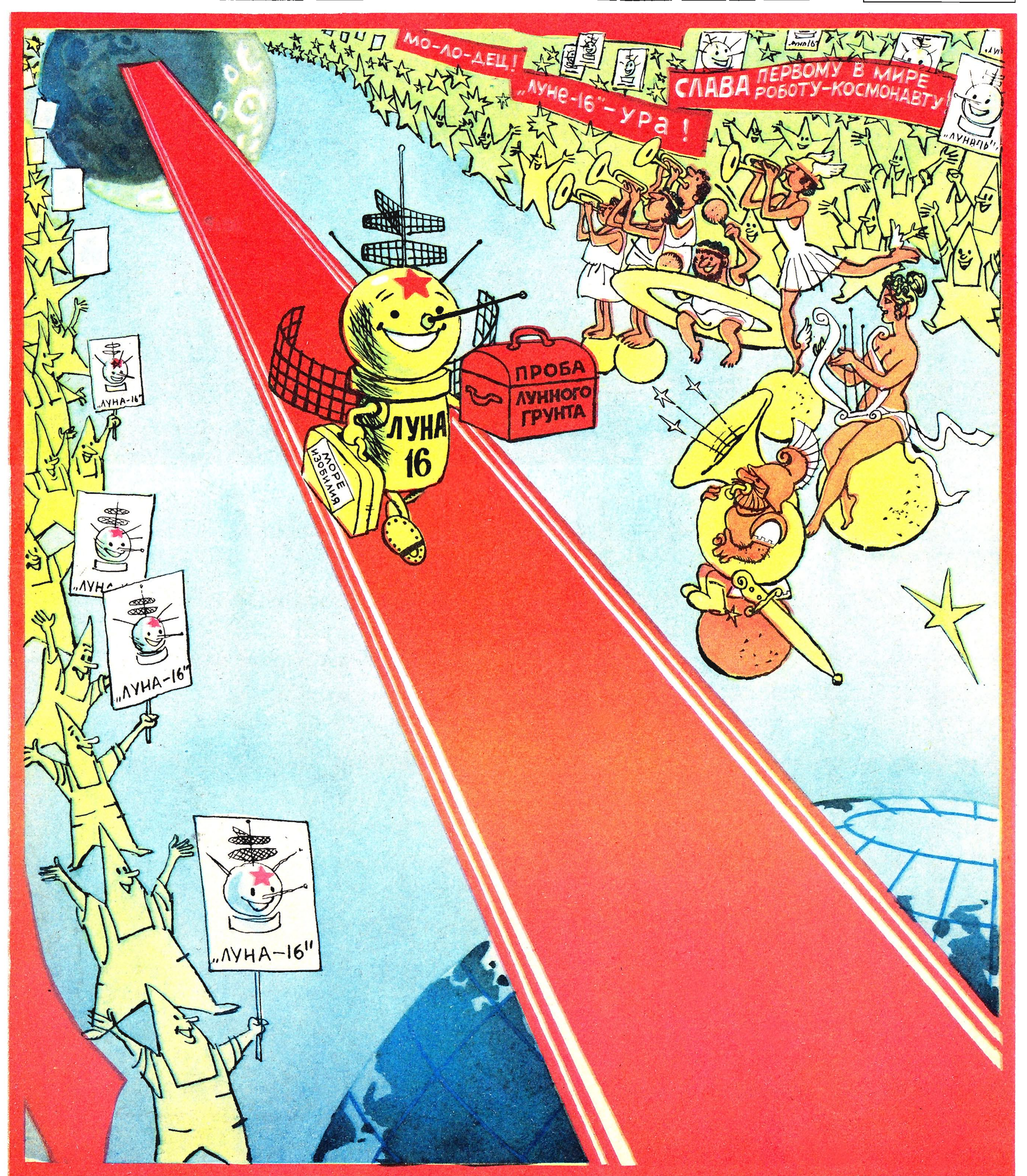
КРОКОДИЛ

28
ОКТЯБРЬ 1970



С почестями космическими и земными...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальный
корреспондент
Крокодила

ЗОВУЩИЕ ДОРОГИ



И какой же костромич не любит быстрой езды! Уж не тот ли, который живет на северо-западе области, по реке Ветлуге и ее притокам, в Пыщугском, Павинском и Вохомском районах? Уж не он ли, много раз увязавший в жирном суглинке дорожной колеи, полюбил безмоторный вид передвижения?

О, конечно же, нет!

Быстрокрылая авиация соединяет жителей приветлужских районов с городом Шарья.

Биплан «АН-2» несет приветлужца над жирным суглинком, над «газиками», заночевавшими в нем, над полями со шрамами вдоль обочин дорог (техника шла в обход), и сердце его замирает не только от скорости, но и от печали.

Статистика этих районов утверждает: в июле барахлило более половины тракторов и грузовых автомобилей. Их подлечили, но на прикол до жатвы не поставили. Да и поставишь ли, если разлинованная шинами дорога, словно в сети, ловит маломощную технику. И лошадиные силы тракторов, автомобилей «ГАЗ-51» просто необходимы для спасательных операций. Они необходимы для доставки молока из отдаленных бригад. На них совершают пассажирские перевозки.

Перед самой жатвой, когда льняные поля отливают золотом, они, натруженно урча, сворачивают с дорог и спешно залечивают свои свежие раны. А потом в разгар уборки у них вдруг глохнут двигатели, летят передачи, заклинивает подшипники, немеют стальные органы. Замирают без тяги прицепные механизмы: льнотеребилки и льномолотилки. Драгоценные часы уходят на оживление техники. А прогноз пророчит непогоду.

Эх, дороги! Их удобно изучать по карте Костромской области. Тут они аккуратные, зовущие, с автобусным сообщением. С борта «АН-2» наблюдать их тоже нехлопотно, хотя скопившаяся в них вода и ослепляет отраженным солнцем.

Но спрыгните на приветлужскую землю с приземлившегося самолета, поколесите по ней на «газике», и вы воспримете дороги несколько иначе. Вы забудете, как выглядит автобус: здесь это редкость. Ваши ноги до колен покроются глинистым месивом — «газик» придется подталкивать. Зовущей для вас будет лишь дорога на аэродром.

Вам встретятся волоки. Почти у каждого, как у горного пика, свое название: Петряевский, Авдомовский, Каницкий, Шуботско-Маручатский. Но волок — это не пик. Это узкая дорога, прорубленная в лесу. Ветви деревьев ласково гладят ветровое стекло, предательски расступаясь перед машиной. Под колесами никогда не просыхающее месиво. Большинство таких лесных дорог «газику» не покоряется. Преодолевают их на порожних бензовозах или тракторах.

Петряевский волок (Пыщугский район) ведет из центральной усадьбы совхоза «Носковский» в одну из бригад. Директор совхоза М. М. Хабаров пробирается по нему на пожарной машине, в сопровождении эскорта из двух гусеничных тракторов.

Масштабен и злопамятен Шуботско-Маручатский волок (Вохомский район). Исполинской змеей вьется он по территории двух совхозов — «Шуботского» и «Маручатского». Единственным в районе трактором «С-100» совхозы валили лес по краям волока. Пока не подкараулил волок стального коня в Сухом логу и не сковал мощные гусеницы. Лишь через две недели выручили его два трелевочных собрата, присланные леспромхозом.

Но есть еще безымянный, вовсе не пуганный мотором волок — единственный путь в пеномскую бригаду совхоза «Шуботский». Его покоряют пешком.

Опять же водные препятствия. Речки Пыщуг, Вочь, Вохма любят, когда их объезжают за много километров в поисках моста, брода или переправы.

Когда легкий на подъем «АН-2» унесет вас в благословенный мир городского асфальта, вы, потирая ушибленные места, сообразите: «Должно быть, мучаются приветлужцы без дорог?»

И вы будете недалеки от истины.

Мучаются механизаторы, льноводы, дорожники.

Как вам понравится такая цифра: совхозы Вохомского района из-за плохих дорог не смогли реализовать 56 процентов льняной тресты прошлогоднего урожая. Лен, самая трудоемкая в полеводстве культура, покрывается плесенью, мокнет под дождем, теряет качество.

Зачем весной сыпали на посевы льна торфо-перегнойную крошку, а ближе к лету боролись с бандой сорняков — с пыреем ползучим, с плюшкой и повиликой? Зачем травили льняную блоху и льняного червя? Для чего теребили поспевший ленок, вязали в снопики, молотили, расстилали на лугах, лесных полянах и караулили час, когда он, вобрав в себя августовские росы, дойдет до тресты?

Все это делалось впустую. Совхозы недополучили около восьмидесяти тысяч рублей дохода.

В Древнем Египте виновные в гибели урожая льна карались смертной казнью. Слава богу, мы крови не жаждем. Мы даже не уподобляемся районным автоинспекторам, которые причины автомобильных аварий видят в чем угодно, только не в состоянии дорог. То у них виноват шофер, то транспорт. А о дорогах — молчок.

Отчасти их можно понять. Им нужен нарушитель как таковой. Чтоб наказать его по всем правилам. А дорогу, сами понимаете, к ответственности не привлечешь.

В отличие от них мы не закрываем глаза на дороги. Мы помним, что девяносто процентов местных дорог Костромской области не имеют твердого покрытия. Мы видим также, как копошатся на них дорожники, как на отдельных участках засыпают они ямы и выбоины, поднимают уровень дорог, грейдеруют их, холят и пестуют. Но это на отдельных участках. На большее у дорожников не хватает техники.

Пыщугский дорожный участок имеет один экскаватор. Два месяца поднимал он уровень небольшого отрезка дороги Пыщуг — совхоз «Носковский».

У Павинского участка нет ни одного экскаватора. У его начальника нет автомобиля. Почти вся имеющаяся техника куплена у леспромхоза. В списанном виде.

Музеем старой техники выглядит двор Вохомского участка.

При таких условиях дорожников, пожалуй, и в Древнем Египте помиловали бы. А о нас и говорить нечего. Мы-то видели, как начальник Вохомского дорожного участка Валентин Александрович Попов пытался выторговать бульдозер в совхозе «Шуботский». И, конечно, не выторговал. Как-никак в совхозе сто километров внутренних дорог. Без бульдозера ему самому крышка.

А пока сердце приветлужца замирает от скорости лишь на борту «АН-2». Параллельно оно замирает от печали. Приветлужец подсчитывает стоимость транспортировки воздушным путем масла, сыра и другой продукции. Он прикидывает, сколько урожая недодадут в этом году кислые почвы: весной районы не смогли завезти нужное количество извести.

Да мало ли о чем может призадуматься приветлужец, пролетая над скользкими, как мыло, земными трассами!

Бездорожье делает честь только Аэрофлоту. Крохотный Шарьинский аэропорт за год обслуживает столько же пассажиров, сколько вся гражданская авиация Эстонской ССР.

Костромская область

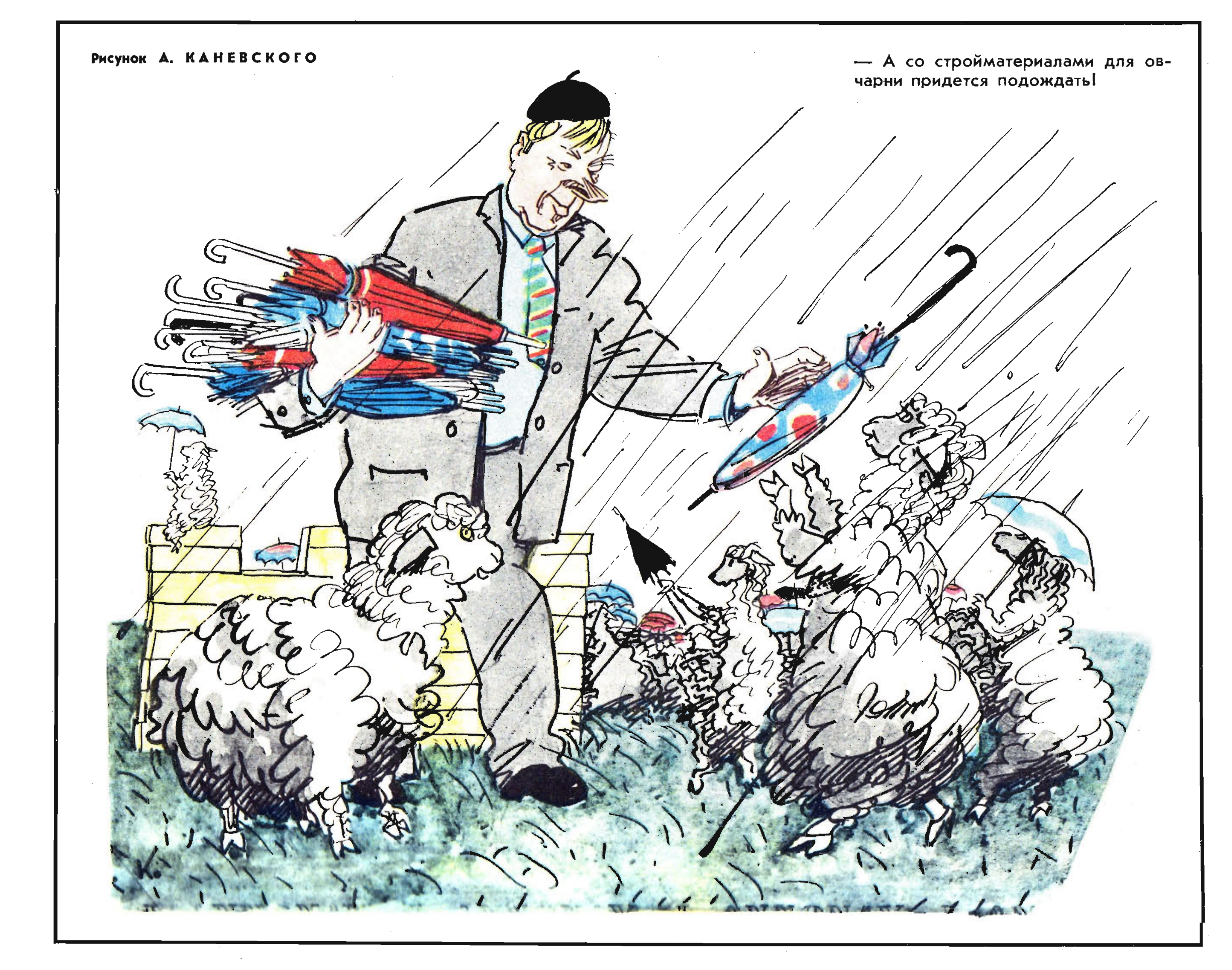


Рисунок А. КАНЕВСКОГО

— А со стройматериалами для овчарни придется подождать!



У начальника испортился телефон...

Рисунок О. КОРНЕВА

Мой сосед

Ж. АЛЫБАЕВ

В одном подъезде много лет
Размеренно и чинно
Живет со мной сосед Мамбет —
Внушительный мужчина.

И не было такого дня,
Хоть наши двери рядом,
Чтоб удосужил он меня
При встрече теплым взгпядом.

Я говорю: «Салам, сосед!
Как дети!
Как здоровье!»
А мой сосед Мамбет в ответ
Не поведет и бровью,

Не улыбнется,
Не кивнет,
Не приподнимет шляпу...
Стоит, как столб,
Как будто рот
Ему заткнули кляпом.

И, горечь в сердце затая,
Обиды вкус изведав,
Решип, друзья мои, и я
Не замечать соседа.

Сказал себе я, стыд гоня:
«Хоть наши двери рядом,
Он не дождется от меня
Приветливого взгляда!»

И все пошло наоборот:
Сосед Мамбет при встрече
Мне первым руку подает
И шепчет: «Добрый вечер!»

Кричит он издали: «Привет!
Как дети!
Как здоровье!
Как женушка!..»
А я в ответ
Не поведу и бровью.

Его бросает в жар и в пот,
Он мнет в поклоне шляпу.
А я молчу,
Как будто рот
Заткнул мне кто-то кляпом.

Вы, видно, поняли, друзья,
Причину превращенья:
Сосед Мамбет решил,
Что я
Пошел на повышенье...

Перевел с киргизского
М. РОНКИН



«Закон и кулак»

Одноименный фельетон А. Ходанова рассказывал о хулиганах, занимавших ответственные должности, и их покровителях («Крокодил» № 8). Мы уже сообщали («Крокодил» № 13), что факты подтвердились и что по материалам фельетона возбуждено уголовное дело, взятое на контроль прокуратурой РСФСР.

Редакция получила письмо секретаря Василеостровского РК КПСС гор. Ленинграда тов. В. Блинова о мерах, принятых в отношении героя фельетона — бывшего начальника уголовного розыска Петроградского района П. Жгуна. Приказом начальника Управления внутренних дел Леноблгорисполкома П. Жгун из органов милиции уволен. Ждановский районный народный суд приговорил его к исправительным работам по новому месту работы сроком на 1 год с удержанием из зарплаты по 20% ежемесячно. Постановлением бюро Василеостровского РК КПСС П. Жгун исключен из КПСС.

Цезарь и товарищ Жукова

Несмотря на то, что товарищ Жукова являлась просто скромным библиотекарем поселка Ак-Туруг, Улуг-Хемского района, Тувинской АССР, способность делать несколько дел одновременно позволяла сравнивать ее с прославленным Гаем Юлием Цезарем. Представьте, что, кроме основной работы, она несла бремя тринадцати сложнейших общественных должностей («Крокодил» № 17, одноименная заметка).

Как сообщил редакции председатель Улуг-Хемского исполкома райсовета тов. Г. Санчаа, факты подтвердились. Исполком Ак-Туругского сельского Совета освободил тов. Жукову Т. А. от общественных поручений, оставив только выборные должности.

«Слазь-залазь»

Начальник Северного речного пароходства тов. Рябов сообщил, что заметка под таким названием («Крокодил» № 17) верно показала недостатки в работе речников на линии Першлахта — Устьпоча. Действительно, ни на одном из десяти пунктов этой линии нет пристаней, и пассажирам приходится шагать с корабля прямо в воду.

Поскольку пассажирские перевозки на этой линии невелики и вряд ли в ближайшие годы увеличатся, пароходство не может настаивать на спешном строительстве пристаней. Но выход нашелся: на теплоходе, курсирующем по Кенозеру, устанавливается металлический поворотный трап. Кроме того, по берегу озера ныне организовано автобусное сообщение.



Этой осенью руководители пропагандистских служб Португалии и Родезии договорились о взаимном обмене радиопрограммами. Переговоры между представителями двух радиокомпаний прошли в деловой расистской атмосфере под девизом «Мы делаем одно дело!».

Нас давно интересовала повседневная жизнь португальских колонизаторов и родезийских расистов. Включив редакционный приемник и повернув ручку настройки в крайне правое положение, мы поняли, что поспели вовремя. Из приемника донеслось: «Дорогие родезийские друзья, начинаем передачу «Португальская панорама». Вначале — информационные сообщения... Из наших заморских владений передают: в Анголе, Мозамбике и Гвинее части доблестных португальских войск в тактических целях заманивают местных партизан ближе к большим городам. В то время как под контролем бунтовщиков находится большая часть территории, в наших руках нечто более ценное — инициатива. Мы постоянно диктуем нашу волю. Именно уверенностью в своей конечной победе над мятежниками объясняется смелая стратегия наших военачальников...

А теперь наш экономический комментарий... Итоги первого полугодия еще раз убедительно демонстрируют исключительно высокие темпы развития португальской экономики. Учитывая наши тесные связи с африканскими территориями, мы решили отказаться от оценок экономического развития Португалии в соответствии с европейскими стандартами. В связи с этим стало очевидно, что по уровню жизни наша страна опережает некоторые государства Африки, а также Гаити и острова Тонга. По другим показателям (детская смертность, количество граждан, приходящихся на одного врача) мы находимся в верхней половине списка всех стран».

Нам не удалось дослушать до конца эту интересную программу. Подходило время начала радиопередачи из Родезии. Родезийская радиостанция оказалась совсем рядом — в том же крайне правом углу шкалы настройки.

«Начинаем нашу программу «Вот она, Родезия»,— услышали мы и затаили дыхание, поскольку нам было крайне интересно узнать, какова же Родезия. Диктор продолжал: «Сегодня у нас в студии специалист по проблемам африканцев мистер Джон Линч. Он долгое время работал начальником городской тюрьмы в Солсбери. Это помогло ему в работе над его нашумевшей книгой «Я знаю место для туземцев». Итак, мистер Линч, насколько, по вашему мнению, разрешены проблемы коренного населения Родезии! (Слышно откашливание, затем мужественный хриплый голос мистера Линча): «Я считаю, что у наших африканцев не осталось ни одной нерешенной проблемы. Они избавлены от множества хлопот, отрывающих столько сил и времени у белых родезийцев. Скажем, они не должны всякий раз тащиться к избирательным урнам — это делаем за них мы, их белые братья. Только африканцам доверено выполнение многих почетных обязанностей. Лишь им, например, мы позволяем заботиться о чистоте наших улиц. В горнорудной промышленности самые ответственные — подземные — работы выполняются также по большей части африканцами. Ну и, конечно, для них всегда открыты двери учреждения, которым я имел честь руководить...» Диктор объявил, что сейчас будет исполнен последний родезийский шлягер «Нам не страшен лев британский...».

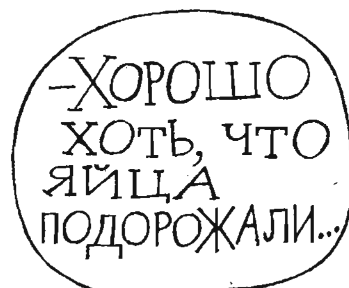
Вахту у приемника нес
В. ЖИТОМИРСКИЙ



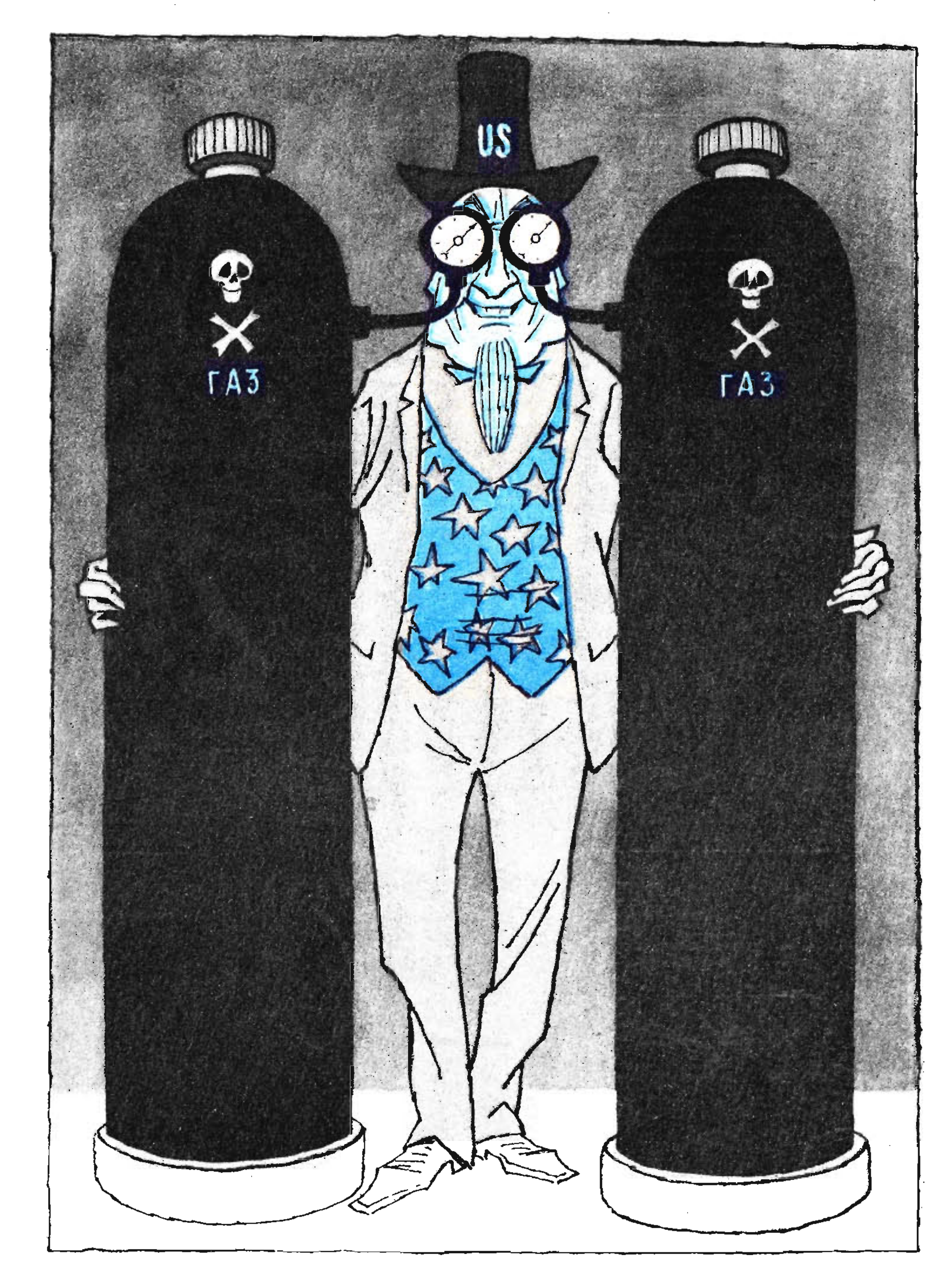
— Ну что ж, генерал, вы проложили в Индокитае отличную магистраль!

Рисунок В. ГИНУКОВА и Л. ГОРОХОВА





Американский сенатор-реакционер Стром Тэрмонд в тот момент, когда его забрасывают мармеладом учащиеся школы в Питсбурге.



Взгляд на запрещение химического оружия.

Рисунок М. АБРАМОВА

З. ЮРЬЕВ

ЛЕОПАРДЫ С МОЛОТКА

В сентябре прошлого года в фельетоне «Берни Корнфелд, спаситель капитализма» мы писали о новоявленном мессии, который при помощи своей компании намеревался приобщать пролетариат к народному капитализму. «Мы спасаем капитализм и улучшаем человеческое существование. Мы намерены превратить пролетариат в благоденствующий класс»,— говорил он тогда. Мы рассказали, как мистер Корнфелд, продавая в рассрочку акции различных предприятий, сколотил себе изрядный капиталец, приобрел замок на берегу Женевского озера, наполнил его антиквариатом, экзотическими животными, разномастными красотками, завел три собственных самолета и т. д. В самом конце фельетона, извинившись за скептические нотки на фестивале народного капитализма, мы отметили, что акции падают и что Берни Корнфелд самым примитивным образом надувает своих клиентов.

«Крокодил» оказался более проницательным финансистом, чем новоявленные народные капиталисты Берни Корнфелда да и сам спаситель капитализма. Недавно стало известно, что его компания «Служба заокеанских вкладчиков» на грани краха, а сам Корнфелд изгнан с поста президента разгневанными вкладчиками и, по выражению журнала «Тайм», «пополнил армию безработных».

Особенно мы за мистера Корнфелда не переживали. Прирученные леопарды, которые нагло бегали по его поместью, найдут, надо думать, приют в зоопарке, где будут вести образ жизни хотя и менее блестящий, но более надежный. Блондинки и брюнетки, составлявшие свиту спасителя капитализма и бродившие по усадьбе вместе с леопардами, в зоопарк, понятно, не попадут, но жизнь свою как-нибудь устроят. «Кадиллаки» и самолеты продадут, а лошади, на которых любил совершать утренние прогулки спаситель капитализма, найдут приют на живодерне, так и не поняв, что же такое приключилось с их хозяином.

Остается идея о превращении пролетариата в благоденствующий класс и «наполнение смыслом понятия «народный капитализм», как любил выражаться бывший президент компании «Служба заокеанских вкладчиков». В зоопарк, понятно, идею не возьмут, поскольку вряд ли она сможет заинтересовать посетителей, настроившихся на лицезрение жирафов. Там, куда попадут красотки из свиты мистера Корнфелда, идеи вообще мало кого интересуют, а идеи о народном капитализме — тем более. И на живодерне вряд ли заинтересуются ими. Из них сапоги не сошьешь.

И все-таки жалко идею. Такая была она миленькая, уютненькая, славная. Погладишь ее по шерстке — до того приятно, что дух захватывает. Самому мурлыкать хочется. И видения приятные перед глазами. Ни тебе классовой борьбы, ни забастовок, ни требований о повышении зарплаты, ни демонстраций. Приезжает народный капиталист на завод, цилиндр и лайковые перчатки в шкафчик — и к станку. И все ворчит: «Что-то прибыли падают, зарплата у этих пролетариев велика, прижать бы их». А там, глядишь, и явится сам к директору. «Гнать,— говорит,— меня надо. Или на худой конец зарплату уполовинить, а то что-то дивиденды меня беспокоят. В прошлом году целых три доллара получил, а в этом, боюсь, больше двух не будет».

Ну не грех ли, спрашивается, ни за что ни про что такую необыкновенную идею выбрасывать? Можно было бы, разумеется, безвозмездно передать ее американским пропагандистам, которые уже давно интересуются народным капитализмом. Но они в отличие от Берни Корнфелда в последнее время почему-то стесняются говорить о нем. Так, иногда что-нибудь и брякнут, но тут же краснеют и отворачиваются. Ведь количество безработных в США сейчас больше, чем когда бы то ни было за последние пять лет, а с пустым карманом в капиталисты не берут.

Обидно, конечно, сейчас бывшему президенту «Службы заокеанских вкладчиков», а ныне безработному. Человек леопардов завел, в старинном замке прозябал, а зачем? Все затем, чтоб пролетариат ликвидировать. А он, как назло, существует.

И думает, должно быть, мистер Корнфелд бессонными ночами, в чем он маху дал. Может быть, надо было вовсе не леопардов по усадьбе гонять, а, скажем, носорогов? Или стадо зебр? И жить не в старинном замке, а в крепости? И палить по вечерам в честь народного капитализма из пушек? Ох-хо-хо, людская неблагодарность!.. Из кожи лезешь, с «кадиллака» не слазишь, в золотой ванне времени не найдешь обмыться, все о пролетариате печешься, а он даже спасибо не скажет.

Нет, что ни говори, а участь спасителя капитализма — вещь, оказывается, незавидная. И похоже, что в ближайшее время вряд ли кто-нибудь будет оспаривать лавры безработного мессии Берни Корнфелда.

— Семейное положение?
— Командированный!

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

В лес по рейтузы

В нынешнем году в Княжпогостском районе, Коми АССР, удовлетворение потребностей прекрасного пола в рейтузах целиком и полностью зависит от урожая грибов. Об этой удивительной закономерности сурово и недвусмысленно предупреждает объявление, вывешенное в раймаге:

«Рейтузы женские продаются на заготовку грибов. За каждую пару рейтуз необходимо сдать:
1. Грибов сушеных — 1 кгр
или
2. Грибов свежих — 10,0 кгр
Правление Княжпогостского райпотребсоюза».

И ничего не поделаешь. Как законы природы, так и законы торговли, даже если последние незаконны, приходится выполнять. Поэтому местная прекрасная половина человеческого рода после дождичка в четверг, а равно и в другие дни недели, запасшись лукошками, отправляется в лес по рейтузы...

С. БАЛЯБИН



Игра в молчанку

«Дорогие товарищи! Не можете ли вы починить детали нашего «ГАЗ-69»?

Ответ Кустанайскому монтажному участку управления «Рудныйсантехмонтажа» пришел на удивление быстро:

«Тургенский ремонтно-механический завод готов выполнить заказ. Шлите детали».

Кустанайцы от радости захлопали в ладоши и быстренько отправили в Тургень пять узлов.

На удивление быстро в Кустанай вернулись отремонтированные детали. Кустанайцы снова разразились аплодисментами. Пока кто-то наиболее въедливый не сказал:

— Чего расхлопались? Узлов-то не пять, а три. Два узла зажилили благодетели.

Убедившись в правоте въедливого коллеги, кустанайцы послали на завод вежливый запрос: «У вас случайно задержались наши передний мост и коробка передач. Верните, пожалуйста».

На заводе, судя по всему, обиделись:

«Ах, за жуликов нас принимают? Ну, если так...» И решили вообще не отвечать. Кустанайцы снова написали. Эффект тот же. И вот уже около пяти лет тянется переписка. Только переписка односторонняя: кустанайцы пишут, а тургенцы хранят молчание.

Б. САВЕЛЬЕВ

Без задней мысли

Один трудящийся человек пришел в отдел кадров Дмитровского домостроительного комбината Московской области и попросил принять его на работу.

— С удовольствием,— ответили ему в отделе кадров.— Только позвольте задать вам один вопрос: есть ли у вас родные или близкие?

— Нет,— беспечно отвечает кандидат в рабочие,— нет у меня ни родных, ни близких. Так уж сложились мои жизненные обстоятельства.

— Тогда вам придется плохо,— грустно заключают работники отдела кадров.— Потому что в случае вашей преждевременной кончины некому будет заполнить увольнительную, без которой покойник у нас считается вроде как бы живым и не может быть рассчитан. Вы, конечно, понимаете, что говорим мы вам об этом на всякий случай, без всякой задней мысли.

В порядке, который завели работники отдела кадров, действительно нет ни задней, ни передней, ни вообще никакой мысли. Случится с кем-либо из работников комбината непоправимое, его оглушенным горем родственникам всучивают «бегунок» и велят пройтись по шестнадцати адресам.

— Минуточку,— говорят родственникам в каждом из шестнадцати адресов,— сейчас мы возьмем необходимые ведомости, инвентарные и амбарные книги и посмотрим, не задолжал ли безвременно ушедший от нас товарищ каких-либо материальных ценностей.

Безутешные родственники, конечно, могут обижаться и даже плакать от обиды, только это совершенно зря. Ведь гоняют их с «бегунком» порядка ради. Без задней мысли.

Г. РОЖНОВ

КОРОЧЕ ГОВОРЯ...

О чем может идти речь на производственном собрании работников сберкассы? Разумеется, о хорошем обслуживании клиентов, об уважении к ним и прочих важных проблемах. А когда проводить такое собрание? Лучше всего закрыть сберкассу на целый день и обдумать не спеша, как бы получше угодить клиенту. Так и сделали работники сберкассы № 7814/015 в г. Видное, Московской области. Закрыли 2 июля кассу на весь день и совещались на благо населения. Но население почему-то не оценило эту заботу.

А. П.

Этот плакат я запечатлел в межрайонном пионерском лагере в селе Нижний Воргол.

Подобных призывов здесь множество.

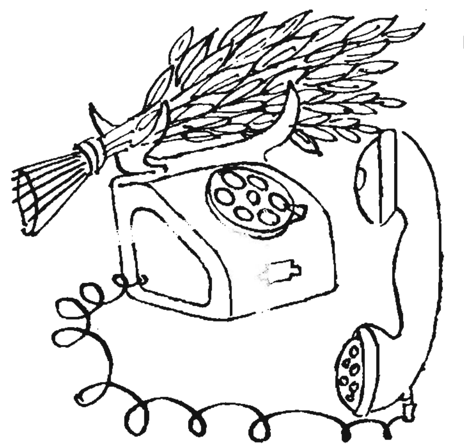


Взрослые дяди и тети старательно приколотили их к деревьям. Я подумал: молодцы будут пионеры, если снимут эту агитацию и на деле докажут, что они защитники зеленых насаждений!

И. СТЯГОВ

Елецкий район,
Липецкой области.

Б. ДАНЕЛИЯ, специальный корреспондент Крокодила



ГЕНЕРАЛ ТАЙНОГО ОРДЕНА



Дверь открывалась с помощью условного кода. Для этого надо было согнуть указательный палец и трижды отчетливо постучать:

— Тук! Тук! Тук!

Через некоторое время код следовало повторить, но уже не отрывисто, а подряд. Потом сделать паузу и ударить еще раз.

Кроме самого Станислава Ивановича, код был известен лишь еще двумтрем лицам — и все. Чтобы не привлекать излишнего внимания, дверь была простая, деревянная и изрядно обшарпанная. Кроме двери, секретный объект имел еще и окно. Так же, как и дверь, к которой постоянно была приставлена тетя Даша, окно бдительно охранялось. Оно было затянуто густой тюлевой сеткой и полностью исключало утечку информации.

Иногда из открытого окна прямо через тюль клубами валил пар. Это говорило о многом, но не столько, чтобы можно было судить о характере секретного эксперимента. Но что-то такое там происходило, исключительно важное и конфиденциальное.

Может, Станислав Иванович, как горняк и начальник шахты, создавал с помощниками новый угольный агрегат? Ну, скажем, скорострельную угольную пушку. Коллектив изнывал от любопытства и терзался догадками.

Первым, кто сделал далеко идущие выводы из создавшейся ситуации, был племянник тети Даши — башковитый парень Шурик.

— Теть, а теть! — уцепился он за рукав облеченной доверием родственницы.— Дай поглядеть на пушку!

Но тетя Даша, взяв швабру наперевес, наглядно показала, что никакие силы в мире не могут заставить ее изменить своему долгу.

— Вишь чего захотел! — рассердилась она.

В отличие от не имевшего никакого веса малолетнего родственника тети Даши главбух шахты не только жаждал приобщения к эксперименту, но и обладал кое-какой силой. Подгадав время, когда из открытого окна клубы пара извергались с особой мощью, главбух вдруг распорядился приостановить все ассигнования на секретные работы.

— Да вы!.. Да вы, понимаете?! — вспыхнул Станислав Иванович.— Сейчас же выдайте триста сорок рублей.

Но блюститель финансовой дисциплины не дал захватить себя врасплох. Засев в бастионе из толстых гроссбухов, он выставил в амбразуру кассового окошечка свой арифмометр и открыл из него ураганный вычислительный огонь.

— Сто двадцать рублей — раз, сто тридцать три рубля — два,— палил он,— сто рублей на это... как его... трюмо, которое числится как парабола,— три. И теперь опять, понимаешь, триста сорок рублей! Не имею, как говорится, никакого полного права!.. Тем более, что допуска на этот объект у меня нет!

Все попытки запугать взбунтовавшегося финансиста ничего не дали. В ответ на каждую такую вылазку главбух только усиливал огонь и палил до тех пор, пока Станислав Иванович не выкинул белый флаг в виде допуска на объект.

— Вот,— сказал главбух,— это меняет дело!

Когда ровно через час главный финансист, покидая объект, плотно прикрыл за собой обшарпанную дверь, лицо его было розовым, а по шее катился крупный, как горох, пот.

— Да, это меняет дело! — еще раз подтвердил он, вытирая шею голубым платком.— Ведь я-то думал одно, а здесь, оказывается, совсем другое! Придется, так сказать, из основных средств!

Пар в окне заклубился с новой силой. Из экспериментального помещения послышался обнадеживающий треск. Ему, как правило, предшествовал какой-то загадочный отсчет.

— Восьмерку в правый угол! — командовал начальник шахты.

— Двенадцатого третьим к себе в середину! — вторил его заместитель.

Окно парило, как грозный Везувий накануне извержения, звучали гулкие удары. Башковитый Шурик продолжал цепляться за рукав знатной родственницы. Коллектив по-прежнему изнывал от любопытства.

— А может, это и не пушка совсем?

— Пушка!.. Вишь, лупят-то как!

Но вот откуда ни возьмись по шахте поползли злоязычные сплетни. Они бросали тень недобрых сомнений на весь эксперимент в целом и на производные от него, экспериментальный треск в частности. Злые языки утверждали, что секретный объект совсем не объект... Поговаривали о каких-то загадочных шарах, летающих бутылках и, что уж совсем невероятно, о голом главбухе.

Объявился даже очевидец... Правда, по его словам, главбух был не совсем «в чем мать родила», но довольно близок к этому. Главный финансист будто бы стоял, словно изваяние, завернувшись в белую простыню, с чалмой из махрового полотенца на голове и держал в руках не то длинный жезл, не то ритуальное копье.

Мало того, кто-то даже пустил слух, что за обшарпанной дверью приютился какой-то оккультный кружок. Не то спиритов, не то телепатов. А Станислав Иванович — глава этого кружка и чуть ли не тайный генерал целого мистического ордена.

Возможно, ему всю жизнь так бы и пришлось ходить в генералах ордена, если бы не Шурик. Башковитый парень сумел все-таки изловчиться и проник на объект. Выскочил он оттуда розовый и изрядно ошарашенный.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул он.— Вот это баня!

— Баня?!

— А то что ж!

Устами Шурика на этот раз глаголила сама истина. На окраине делового двора в приземистом помещении с неказистой дверью действительно притаилась баня. Но в то же время это был все-таки объект и отчасти объект экспериментальный. Правда, два первых отсека этого учреждения выглядели, как обычно. Баня и баня. В раздевалке висел пушистый халат, в моечном отделении журчали медные краны. Зато два других — уютный салон и просторный зал с размещенной там мощной бильярдной установкой — говорили о том, что в довольно древний банно-ванный процесс внесено нечто принципиально новое.

Салон был обставлен красивой, дорогой мебелью. Здесь можно было с головой погрузиться в кресло, удобно положить ноги на мягкий диван, взять с журнального столика свежий номер газеты и заодно обозреть себя в дорогом трюмо, которое во всех бухгалтерских отчетах считалось зеркальной параболой.

А в соседнем зале? Что там?

Там любителя банных процедур всегда поджидал закрепленный за ним персональный кий и кто-нибудь из партнеров.

— Пятнадцатого в правый угол! — молодцевато командовал Станислав Иванович, и шар летел в заданном направлении.

— Двенадцатого в левый угол! — принимал вызов главбух и с присущей ему педантичностью отправлял шар по указанному адресу.

Бойцовское настроение начальника шахты неуклонно влияло на общее дело, и в частности на бухгалтерский баланс.

— Выдать двести рублей!

— А не мало?

— Выдать еще двести!

— Это меняет дело.

Однако возбужденный Шуриком нездоровый общественный интерес к эксперименту грозил все испортить.

— А в чем, собственно, дело? — заволновался Станислав Иванович.— Баня как баня! Такая же, как и все вокруг!

И Станислав Иванович прочертил в воздухе крутую дугу.

По дуге простирался шахтерский город Донецк. Вокруг дымили терриконы, вспыхивали на копрах звезды, и почти на каждой шахте, обнаруживая секретный объект, парили зашторенные окна. Здесь были бани обычные и парные, со старинными дубовыми шайками и современными душевыми установками, оснащенные холодильниками и обставленные полированными столовыми гарнитурами. Были с бильярдными залами и были с настольным теннисом. В этих банях уютно пылали электрические камины, приглушенно позвякивали служебные телефоны и мерцали голубые экраны новейших телевизоров.

По сравнению с другими банный комплекс начальника семнадцатой шахты Станислава Ивановича Пюро выглядел даже скромно.

Через деловые дворы к приземистым помещениям то и дело катили грузовые пикапы. Они подвозили мел для бильярдов, свежий лимонад и доставленное за тридевять земель знаменитое сырье для березовых веников. И выходит, что злые языки были не так уж и неправы, когда распускали слух о летающих бутылках, загадочных шарах и голом главбухе, который, как теперь стало очевидным, был не с ритуальным копьем в руках, а с самым обычным бильярдным кием.

О том же, в какую копейку все это обходится, никто не желал думать. Копейка нигде не выпирала. Она ложилась на себестоимость выданного на-гора «черного золота».

Шахтерский город Донецк достоин всяческого восхищения. Гости, которые сюда приезжают, восторженно качают головами и выражают свой восторг одной-единственной буквой:

— О-о!

Без этой буквы здесь просто невозможно обойтись. Вокруг сплошные дворцы — дворцы культуры, дворцы-магазины, дворцы-шахты, дворцы-дома.

— О-о!

Город гигантский, индустриальный, промышленный, и нигде ни одной соринки.

— О-о!

И на фоне этого индустриального гиганта то там, то сям зашторенные окна.

— М-да-а!

Но все это, к счастью, поправимо. Экспериментально-персональные бани можно превратить в обычные; генералов тайного банно-ванного ордена возвратить к их штатскому званию. Бильярды, настольные теннисы и телевизоры передать дворцам культуры.

Остается решить, что делать с огромным запасом добротного березового сырья. Но выход есть и здесь. Береза, как известно, идет не только на веники... Есть еще и березовая каша!

г. Донецк

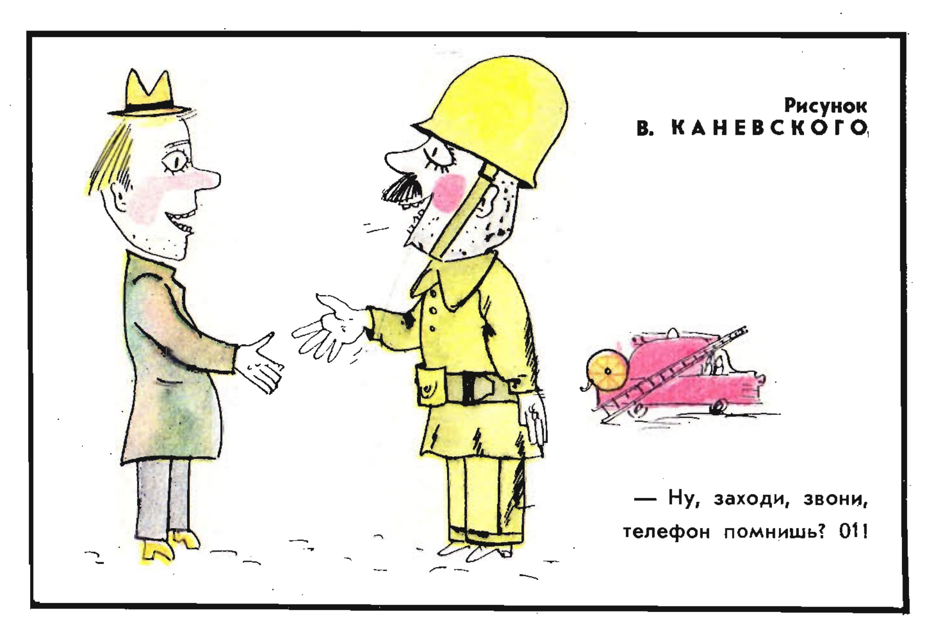


Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Ну, заходи, звони, телефон помнишь? 01!

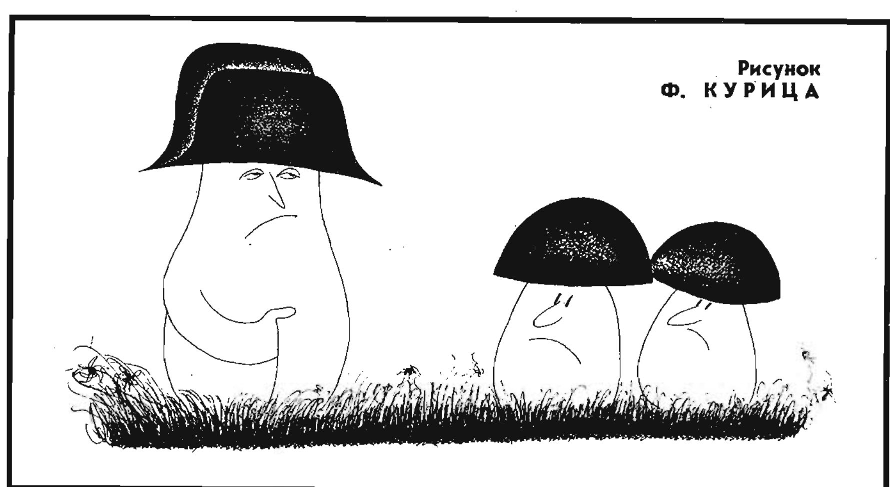


Рисунок Ф. КУРИЦА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Начальнику участка № 4
от Коньшина Е. В.
Объяснение

Я, Коньшин Е. В., 29 июля пришел на работу с запахом алкоголя, так как был день рождения. У меня больная печень, пить нельзя, прошу наказать».

Копию снял Рабикович, г. Норильск

«Тов. Сороко!
Доклад я уже вам выслал, копию тоже. Высылаю, что осталось в голове».

(Из записки)
Прислал А. Чупров, г. Ухта

«Объяснительная записка
Я, Карпейкин, отсутствовал на работе 3 дня по следующим причинам:
1 день — был в состоянии моральной и физической депрессии по причине усталости на работе.
2 день — был освобожден от работы тов. Митяевым по неизвестной причине.
3 день — не вышел на работу, так как был глубоко обижен на тов. Митяева».

Прислал Н. Пушкарский, г. Волгоград, Химкомбинат

«Я, шофер Глебин Н., прошу простить меня за недоставку на объект машины. Я это сделал не умышленно. Если бы я в ней не спал, то обязательно бы доставил».

(Из объяснительной)
Переписал Ю. Рябушенко, г. Железногорск

«Объяснительная
Я не вышел на работу потому, что жена сказала: ты никуда не пойдешь, есть дома работа».

Копию снял Е. Кытманов, г. Лысково.

«Детревмасанаторию требуются: эвакуатор на должность заготовителя...»

Газета «Власть Советов», г. Канск

«Начальнику цеха стеклозаготовительных материалов
от слесаря-ремонтника
Гононченко Л. В.
Объяснительная

Совершение двух прогулов я могу объяснить, как нежелание идти на компромис в ущерб своей яркой индивидуальности».

Прислал Е. Сабынин, г. Брест

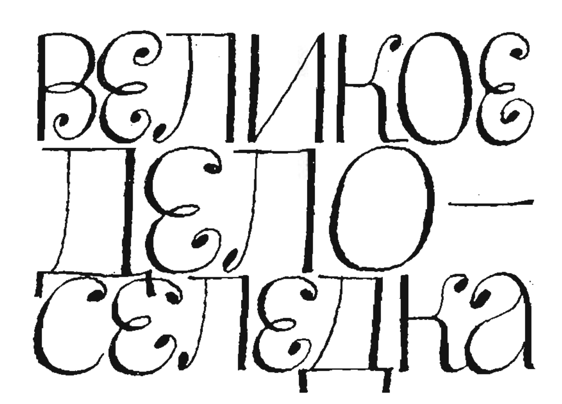
Внимание!
В связи с ремонтом дымохода
воды в туалетах не будет!
с 25/VI по 28-ое
ЖЭК № 11

Прислал А. Каменский, г. Москва.

«Корнев И. Н. имеет огород 0,15 га, 1 козу, сын которой находится в отъезде».

(Из акта)
Выписал П. Пономарев, г. Острогожск

В. КНЯЗЕВ,
В. ШИКУНОВ



ВЕЛИКОЕ ДЕЛО — СЕЛЕДКА

Рассказ

Оказался я раз на именинах за одним столом с незнакомыми людьми.

Только выпили первую рюмку, как сидевший в центре стола блондин при заграничном бумажном галстуке прокашлялся и громко сказал, обращаясь ко всему застолью:

— Знаете ли вы, что любой человек, имеющий образование не ниже восьми классов, может при желании стать великим?

Сначала я подумал, что он рассказывает новый анекдот. Как человек компанейский и умеющий оценить хорошую шутку, я заранее улыбнулся и прокашлялся, чтобы, когда блондин кончит, от души похохотать вместе со всеми. Но никто почему-то и не собирался улыбаться.

— Стать великим,— задумчиво и серьезно подхватил мой сосед справа, которого мне представили как человека удивительной судьбы, с чем он не стал спорить.— А какая сфера деятельности имеется в виду?

Все с интересом оборотились к блондину.

— Имеется в виду любая сфера, на выбор,— пояснил обладатель бумажного галстука.— Можно стать великим ученым, великим писателем, великим полководцем.

Блондин широко и радушно развел руки: мол, кому что нравится. Все понимающе кивали головами.

И тут я сообразил, что попал в общество глубокомысленных людей.

О чем говорить в таком обществе, я не знал. До сих пор мне доводилось бывать в компаниях, где как выпьют, сразу же начинают закусывать, а потом включают телевизор. Если кто и говорит что-нибудь, так по делу: «Дайте мне еще селедки»,— например. Или: «Чур, об мой пиджак руки не вытирать». Это, конечно, в шутку, для смеха.

А тут, в этом обществе глубокомысленных людей, никто не закусывал. Эти люди говорили и говорили и, по всей видимости, находили в этом удовольствие.

— Любопытно, а какие преимущества имеют те, кто становится великим? — с большим интересом спросила хозяйка дома.

На мой взгляд, хозяйка в первую очередь должна спрашивать гостей: «Почему не закусываете?» В крайнем случае эту оплошность мог бы исправить хозяин, тем более что он был именинником и выпили за его здоровье. Но хозяин сам оплошал и с большим оживлением принялся рассуждать, что быть великим очень интересно. Его поддержал мой сосед справа, человек не то завидной, не то удивительной судьбы. К их мнению присоединился молодой человек, у которого при улыбке был виден прорезающийся зуб мудрости. Не было возражений и у моей соседки слева, за которой, кстати, хозяйка наказала мне весь вечер ухаживать, к чему я еще не успел пока приступить.

По общему разумению выходило, что быть великим очень интересно, потому что они, великие,— двигатель прогресса, светоч разума, им суждены любовь и благодарность потомков.

«Да, об их пиджаки руки не вытрешь»,— хотел подать голос и я, разумеется, в шутку, но вовремя спохватился, что здесь идет глубокомысленный разговор.

После того, как было сказано о светочах разума и благодарности потомков, немного помолчали. Потом хозяйка встрепенулась:

— А как насчет материальных благ?

Все многозначительно переглянулись, а блондин в бумажном галстуке широко и щедро раскинул руки: мол, это само собой, сколько хотите.

Дамы общества тихонько ахнули и с уважением поглядели на мужчин. Мужчины застенчиво важничали.

— Скажите, могут ли стать великими также лица женского пола? — кокетливо обратилась к блондину моя соседка слева.

Мужчины снисходительно усмехнулись, но блондин порадовал дам:

— Любой человек, имеющий образование не ниже восьми классов, может при желании стать великим. Это положение распространяется на лиц обоего пола без каких-либо ограничений.

Мужчины обиженно посмотрели на оратора.

— Кроме вакансии великих полководцев,— добавил тот, и это, кажется, удовлетворило обе стороны.

Наступила пауза. Мне очень хотелось, воспользовавшись ею, рассказать один анекдот, касающийся как раз лиц обоего пола,— очень приличный и смешной анекдот. Соседке слева он наверняка бы понравился. Но стоило мне увидеть лица присутствующих, как незамысловатые слова моего анекдота застряли у меня в горле.

Лица присутствующих были очень глубокомысленны. Более того, в них появилось что-то величавое. Если же присмотреться повнимательнее, то нельзя было не заметить, что все они, эти глубокомысленные люди, сияли, как светоч разума.

Я сразу понял, чего это они вдруг так. Это они не для смеха, они кое-что задумали. И хоть мне ничего не сказали, я сообразил, что они молчком решили стать великими. Чтобы, значит, благодарностью потомков пользоваться, ну и, само собой, материальными благами без каких-либо ограничений.

Меня это, конечно, обидело. Раз уж вместе собрались, так надо все заодно делать. А то что же получается? Как если бы все выпили, а одному не хватило. Нехорошо, не по-компанейски.

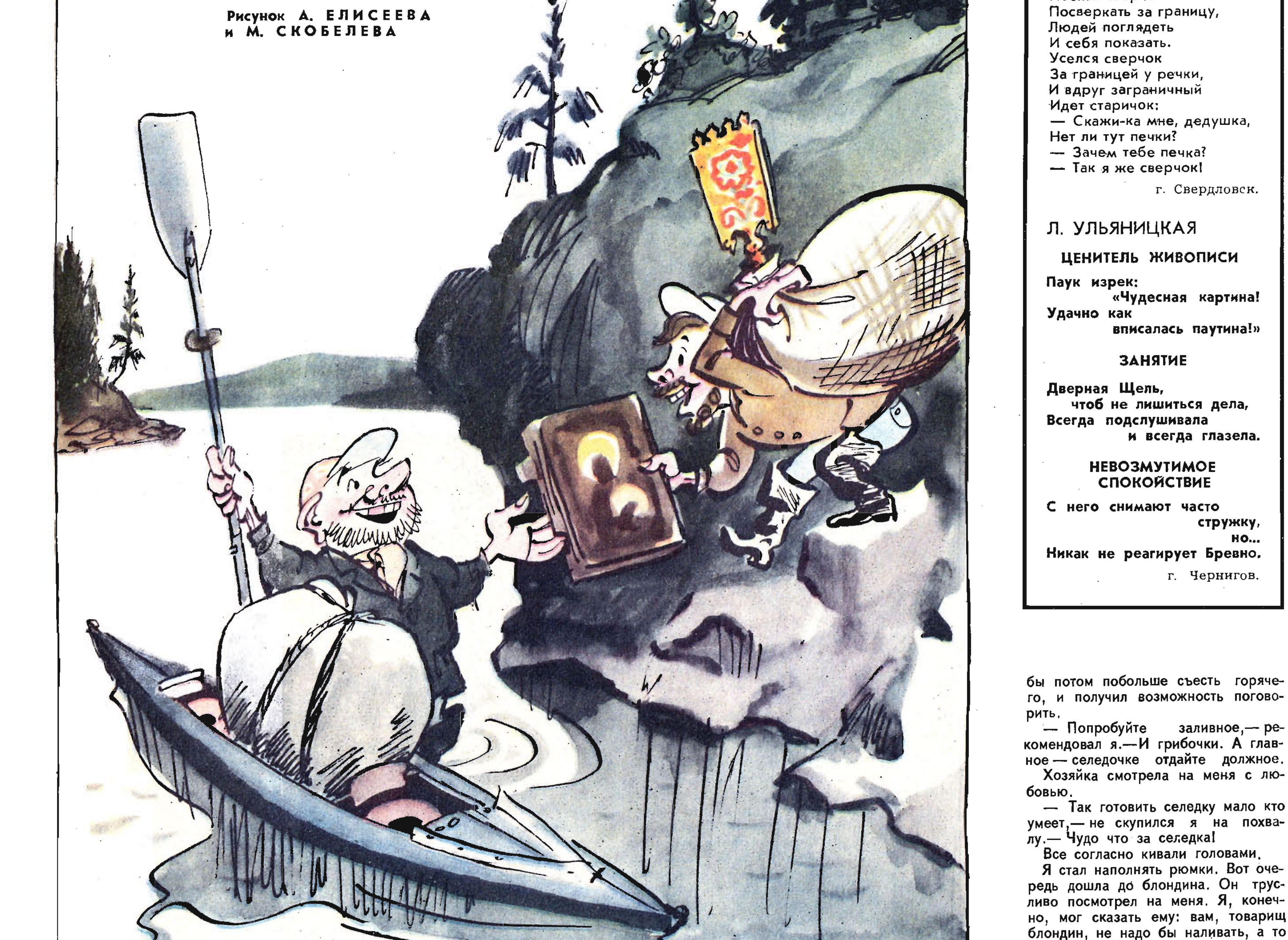
Анекдот я им рассказывать не стал. Великим не до анекдотов. И наливать им не стал. Наполнил только свою рюмку. Выпил. Молчком, раз такое дело. Выпил и начал как следует закусывать.

В то время, как я ел селедку, между прочим, очень вкусную, хозяйка задала еще один вопрос:

— Но каким же образом можно стать великим, имея всего восьмилетнее образование?

— Наука утверждает,— вновь завелся блондин,— что для этого нужно вставать в пять утра. Я сам читал. Наукой открыто, что самое продуктивное время для умственной деятельности — это утренние часы. Значит, надо вставать в пять утра и сразу же заниматься умственной деятельностью.

После селедки я взялся за салат.



— Ну и тяжелый маршрут выдался!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Гр. ВАРШАВСКИЙ

СВЕРЧОК

Сверчку надоело
За печкой томиться.
— Настала,— решил он,—
Пора вылезать.
Поехал сверчок
Посверкать за границу,
Людей поглядеть
И себя показать.
Уселся сверчок
За границей у речки,
И вдруг заграничный
Идет старичок:
— Скажи-ка мне, дедушка,
Нет ли тут печки?
— Зачем тебе печка?
— Так я же сверчок!

г. Свердловск.

Л. УЛЬЯНИЦКАЯ

ЦЕНИТЕЛЬ ЖИВОПИСИ

Паук изрек:
«Чудесная картина!
Удачно как
вписалась паутина!»

ЗАНЯТИЕ

Дверная Щель,
чтоб не лишиться дела,
Всегда подслушивала
и всегда глазела.

НЕВОЗМУТИМОЕ СПОКОЙСТВИЕ

С него снимают часто
стружку,
но...
Никак не реагирует Бревно.

г. Чернигов.

— А как быть, если с похмелья? — заволновался человек завидной и удивительной судьбы.

— Никаких похмелий! — отрезал блондин.— В этом вся сложность.

Я налил себе еще рюмку.

— В пять утра так сладко спится, так хочется понежиться в постели,— жалобно промурлыкала моя соседка слева.

Но блондин был неумолим. Он запретил моей соседке нежиться в постели. Ссылаясь на науку, он запретил хозяйке дома тратить время на разговоры с подругами и парикмахерские. Хозяину, к его большому огорчению, он категорически отказал в маленьком удовольствии раз в неделю поиграть в преферанс, ибо надо вставать в пять утра каждый день, включая выходные и праздники,— в этом вся сложность. Молодому человеку с прорезающимся зубом мудрости рекомендовалось свести до минимума оказываемое девушкам внимание: все той же наукой установлено, что девушки мешают стать великим даже человеку с высшим образованием. Обладатель зуба мудрости побледнел.

Блондин заметил, что я закусываю.

— Между прочим, товарищ,— сказал он,— много есть на ночь я бы тоже не советовал. Сон будет тяжелым, и об умственной деятельности в пять утра не может быть и речи.

Разговор за столом стих. Все тоскливо уставились на стол, ломящийся от яств. Я даже чуть не посочувствовал этим глубокомысленным людям, которым суждено было встать из-за этого стола не солоно хлебавши. Но тут я вспомнил, как они молчком, без меня решили стать великими. Пусть теперь помучаются.

— Дайте мне еще селедки,— громко попросил я.

В полном молчании все застолье наблюдало, как я опрокинул рюмку, понюхал корочку, насадил на вилку кусок селедки и с нескрываемым наслаждением проглотил его.

Первым не выдержал молодой человек с зубом мудрости.

— Ну как? Вкусно? — спросил он, бледнея.

— Отменно! — отозвался я.

Хозяйка благодарно улыбнулась мне. За столом прошел шумок.

— Давайте-ка и я попробую капельку чего-нибудь,— вызвался человек удивительной судьбы и, немедленно взявшись за дело, показал завидный аппетит.

— Не хотите ли вы поухаживать за мной? — кокетливо предложила мне соседка слева.

Как человек компанейский, я не заставил себя ждать.

В одно мгновение обстановка за столом изменилась. Дробно застучали ножи и вилки. Все глубокомысленно и дружно ели. Я, правда, решил приостановиться, чтобы потом побольше съесть горячего, и получил возможность поговорить.

— Попробуйте заливное,— рекомендовал я.— И грибочки. А главное — селедочке отдайте должное.

Хозяйка смотрела на меня с любовью.

— Так готовить селедку мало кто умеет,— не скупился я на похвалу.— Чудо что за селедка!

Все согласно кивали головами.

Я стал наполнять рюмки. Вот очередь дошла до блондина. Он трусливо посмотрел на меня. Я, конечно, мог сказать ему: вам, товарищ блондин, не надо бы наливать, а то великим не станете. Да ладно, в одной компании сидим.

— Ну что ж, можно, пожалуй, подавать горячее,— распорядился я потом.— Только, чур, об мой пиджак руки не вытирать.

Все поняли, что это я в шутку, и поэтому засмеялись.

После горячего мы, мужчины, с разрешения дам сняли пиджаки и закурили. Состояние у всех было безмятежное, ублаготворенное.

— Так о чем мы говорили? — лениво вопросил хозяин, откидываясь на спинку стула.— Помнится, о чем-то интересном.

Человек удивительной и завидной судьбы удивился:

— Разве мы о чем-то говорили?

— Говорили, а как же...— подал голос молодой человек с зубом мудрости.— По-моему, о селедке.

— Конечно же, о селедке,— вмешалась моя соседка слева, за которой я теперь, не переставая, ухаживал.— Не правда ли, селедка — хорошая закуска?

Все согласно кивали головами.

— О да,— глубокомысленно согласился блондин в бумажном галстуке.— Селедка — это дело. Я бы сказал, великое дело.

Больше говорить было не о чем. Включили телевизор.

Так что, если разобраться, я не оплошал. Больше того, уж если в обществе таких глубокомысленных людей я оказался далеко не из последних, то грех на себя жаловаться. При желании и я могу стать великим.

г. Куйбышев.

Сергей МИХАЛКОВ





— Чего ты все брюзжишь,
все чем-то недоволен?! —
Спросил Полкана скромный пес Руслан.—
Иль ноют у тебя рубцы заживших ран?
Иль чем-нибудь ты ненароком болен?
— Поди ты...— прорычал Полкан в ответ.—
Осточертел мне белый свет!
— Да чем же он тебе осточертел, однако?
Ты сыт, и ты в чести, как ни одна собака,
На выставке медаль, гляди, тебе дана,
И не одна!
Чем на своих рычать, кидаться, гавкать,
злиться,
Ты мог бы опытом с молодняком делиться,—
Ведь как-никак у нас ты ветеран!..
— А мне начхать на вас! —
прогавкал пес Полкан.

* * *

Хочу сказать я этим диалогом
Пусть не о многих, но зато о многом!

Александр ИВАНОВ

СПИ, ЛАСТОЧКА

Пародия

Спи, ласточка. День шумный кончен. Спи!
И ничего, что ты со мной не рядом...

Мир в грохоте событий, в спешке дел,
Глаза воспалены, и плечи в мыле.

(Николай ГРИБАЧЕВ)

Спи, деточка. Спи, лапочка. Усни.
Закрой глаза, как закрывают пренья.
Головку на подушку урони,
А я сажусь писать стихотворенья.

Я не скрываю, что тебя люблю,
Но дряни на земле еще до черта!
Вот почему я никогда не сплю,
И взгляд стальной, и губы сжаты твердо.

Я голову кладу к тебе на грудь,
Хоть на планете нет еще покоя.
Который год я не могу уснуть
Без грома, воплей, скрежета и воя.

Ты отдыхай.
А я иду на бой,
Вселенная моим призывам внемлет.
Спи, кошечка. Спи, птичка. Я с тобой
Запомни, дорогая: друг не дремлет!

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ФЕМИДА В СПЕЦОВКЕ

Когда вор Тукало не без блеска увел из общественных мест баян «Солист» и магнитофон «Астра», милиция крякнула озадаченно, но нераскрытое преступление не легло-таки на ее ясный мундир компрометирующей кляксой. Милиция отыскала преступников. Ими, к светлому удивлению налетчика, оказались два пятнадцатилетних Анатолия — Коросткин и Назаров.

Признание у Анатолиев истребовал старший инспектор уголовного розыска Вячеслав Большаков. Поначалу он беседовал с Коросткиным. Беседа проходила в интимной обстановке, и потому мы, дабы быть объективными, приведем свидетельства о ней обоих участников.

Толя Коросткин. Большаков сказал мне, что я украл баян и магнитофон. Я сказал, что не я. Большаков взял меня за волосы и стукнул об стенку. Потом снова сказал, что я украл баян и магнитофон. Я сказал, что я. Большаков подумал и сказал, что в таком деле у меня должен быть сообщник. «Ты ведь дружишь с Назаровым»,— сказал он, и я сказал, что дружу.

Старший инспектор Большаков. Я просто поинтересовался у Коросткина, не он ли украл баян и магнитофон. «Я»,— просто ответил Коросткин. «С Назаровым?» — просто спросил я. «С Назаровым».

Назарова упрятали на неделю в «одиночку» и ежедневно любопытствовали, не надумал ли он сделать заявление. Тут, заметьте, имелись технические сложности, поскольку недозволительно держать в КПЗ больше трех суток без специальных на то санкций. Пришлось колдовать над документами, и в итоге получилось, что Назаров пребывал в КПЗ как раз семьдесят два часа.

Когда Назаров раскаялся — вслух, а также письменно,— всплыла проблема вещественного доказательства.

— Куда баян девали? — допытывался инспектор Большаков.— Небось, родственникам вручили на хранение? Есть родственники?

— Есть сестра,— признался Назаров.

Доставили сестру, а она отнекивается звонким голосом. В глаза, говорит, баяна не видела.

Тогда с нею поговорил как полагается заместитель начальника милиции Аникеев, потом в КПЗ посадил, потом опять поговорил и опять посадил. В результате Назарова не только вспомнила баян, но и назвала, сколько в нем кнопок черных, а сколько — белых.

— Вот умница,— похвалил Аникеев, отдыхая.— А где теперь он?

— В болоте,— сказала Таня Назарова.— Вы только отпустите меня. В болото мы его бросили.

В деле о баяне прозвучал завершающий аккорд. Что же касается магнитофона с оранжерейным названием «Астра», то он делся неизвестно куда. Все было стройно и логично. С виновных взыскали сумму, и одним нераскрытым преступлением стало меньше.

Так познакомились поимские граждане с рабочим принципом Белинской районной милиции. Он не возвещал о себе печатно и трибунно, а был тих и бессловесен, как все рабочие принципы.

Печатно и трибунно возвещал о себе принцип парадный: законность, объективность плюс знаменитая презумпция невиновности. Но парадный принцип у иных лиц — что парадный костюм. Его лелеют для торжественных случаев, берясь же за работу, облачаются в иное одеяние. Когда вор Тукало увел еще один общественный баян марки «Солист», преступники отыскались еще скорее. Ими



опять оказались Назаров и Коросткин, но теперь еще к ним присовокупили Володю Чудаева. Опытные Назаров и Коросткин признали вину без значительных диалогов, с Чудаевым же пришлось провести дополнительную работу. Лишь на седьмые сутки проявил Чудаев понимание.

В ночь с пятницы на субботу вор Тукало посетил часовую мастерскую. Затем подождал, покуда милиция отыщет преступника. Милиция отыскала, и тогда вор Тукало начал готовиться к налету на школьный буфет.

В день, когда зрела операция, четырнадцатилетний поимский житель Коля Мошков работал на пастбище. Засветло вернувшись, он лег на печь и заснул здоровым сном сельского труженика. Утром Колина мама премировала сына за хорошую вчерашнюю работу кульком конфет, а затем поведала ему с воспитательным уклоном о ночной краже в буфете. Коля сказал «угу» и полетел выяснять подробности. На дворе он легкомысленно угощал конфетами, и этакая щедрость вызвала подозрение у энергичного инспектора Большакова.

Вместе с Колей в оперативной машине оказался Сережа Горшков, двенадцатилетний и тоже подозреваемый. Третий «соучастник» буфетного дела находился уже в милиции. Звали его Петром Глущенко, и был он самым старшим — целых пятнадцать лет,— а потому и мыслил реалистически.

— Отпираться бесполезно,— отечески объяснил ему инспектор Большаков.— У нас улики. Нам даже как-то все равно, признаешься или нет. Тебе только хуже будет — посадим. А оставишь упрямство — списанный милицейский мотоцикл получишь на вечное личное пользование. С насосом и коляскою. Посображай, Петр, ты мужчина взрослый.

— А выпустите?

Большаков одной рукой распахнул дверь, а другой подал авторучку. Взрослый мужчина, подписав, что требуется, вышел на весенний воздух.

С «сообщниками» по буфетному делу встретился Петр несколько позже, уже на суде. «Сообщники», как вы понимаете, сделались таковыми, не выдержав рабочей методы Белинской милиции.

Вначале испробовали методу на двенадцатилетнем Сереже Горшкове. Разули в темной камере и на допрос повели босиком. Это, по мнению криминалиста Большакова, создало для последующей беседы оптимальные условия.

Соучастник Коля Мошков был старше соучастника Сережи на два года, и потому предварительная обработка потребовалась более серьезная. Сутки продержали в колоритной одиночке без продуктов питания. Затем вслух пофантазировали, что в камеру могут проникнуть крысы. И Коля раскаялся. Его посадили в машину и повезли в родной Поим на свидание с приусадебным огородом. На допросе находчиво придумали, что Коля захоронил деньги из школьного буфета между картофельной ботвой.

Некоторое время злоумышленник ворошил землю, ища под одиннадцатым с краю кустом не закопанную им разменную монету. Колю сфотографировали в профиль и фас, а после бережно доставили в школьный буфет.

— Встань боком и протяни руку,— командовал Большаков и щелкал, умело распоряжаясь выдержкой. Именовалось это следственным экспериментом: Коля демонстрировал проникновение в буфет. Снимки приобщили к делу, которое приобрело таким образом завершенность шедевра.

Рассматривала шедевр председатель районного суда Лапаева. Малолетние Горшков и Мошков оказались недосягаемы для уголовного меча — лишь по семьдесят рублей с мелочишкою взыскали с них, а пятнадцатилетнего Глущенко судили всерьез и на всю катушку. Два года возымел он за буфетное дело.

— Мило,— произнес вор Тукало с некоторой уже скукой, но вскоре влип, ослабив бдительность, на пустяковом недосмотре.

Правосудие над Тукало устроили в поселке Поим под командованием судьи Шварева. И здесь вызрела пикантная ситуация: всплыло то, что, кроме всего прочего, Тукало обчистил еще и школьный буфет. Двести свидетелей ахнули и начали неорганизованно вопрошать, почему же до сих пор обитает в далеких краях односельчанин Петя Глущенко.

Судья Шварев постучал по графину красным карандашом. Получилось мелодично и требовательно. Массы умолкли. Командующий правосудием интенсивно размышлял. Парадный принцип судопроизводства требовал объективности и беспристрастности. Он требовал вернуть дело на доследование и гулко забить тревогу: отменить ни за что преподнесенные Глущенко два года, реабилитировать подростков, разобраться, с чего это вдруг они оговорили себя. Так требовал парадный принцип. Но судья — тоже человек, и ему хочется мира и покоя. Глущенко, помнит читатель, судила председатель районного суда Лапаева. Шварев же — судья рядовой и, стало быть, в вежливом подчинении у Лапаевой. Умолчал о буфетном деле и приговор и протокол судебного разбирательства. Склонный же к психоанализу вор Тукало ломал голову: отчего это милостива к нему карающая десница?

Теперь хронология. Судили Тукало в середине января, а ваш корреспондент посетил место действия в конце августа. Петя Глущенко по-прежнему дышал здоровым северным воздухом, никого из подростков не реабилитировали, деньги родителям не вернули, а старший инспектор Большаков и его соратники азартно сражались с нарушителями.

Первый секретарь Белинского райкома В. Н. Волох — человек с позицией. Печатно и трибунно готов он бороться с беззаконием. Но когда беззаконие разражается в собственном районе, то оно, согласитесь, требует подхода не парадного, а рабочего. И классифицирует его Владимир Николаевич как заурядную оплошность. Зачем ронять тень на район? Пусть всегда будет солнце!

г. Белинский.



— Бабушка, разрешите взять яблочко!
— Ну что там яблочко, подставляйте подолы!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

УЛЫБКА 70

ДРУЗЬЯМ ЦИРКА

Собственно, Вова и сам не знал, зачем он сказал, что известный цирковой клоун Карандаш — его лучший друг. Но ребята, конечно, подхватили эту новость и потребовали, чтобы Вова их обязательно познакомил со своим лучшим другом. А как произошло это знакомство, можно узнать из очень симпатичного рассказа «Друг Карандаша», который вместе с тремя другими новеллами — «Сердце главбуха», «Ученая свинья», «Ценный работник» — составил новую веселую книжку о цирке известного писателя-юмориста Виктора Ардова.

Книжка, написанная большим знатоком и другом цирка, предназначена, конечно же, для любителей этого жизнерадостного, неувядаемого искусства. Вышла книжка в издательстве «Искусство» и, как говорят, тут же разошлась.

ПО СКРОМНЫМ ПОДСЧЕТАМ

Этот небольшой элегантный альбом, выпущенный в Вильнюсе и содержащий работы шестнадцати художников-сатириков Литвы, вызывает ожесточенные споры. Называется он «200 улыбок», но при беглом подсчете этих улыбок оказывается 218, при более тщательном — 222, а при самом скрупулезном — 227. Впрочем, находятся и такие азартные поклонники литовской сатирической графики, которые насчитывают в альбоме более пятисот улыбок, но это, конечно, явный перегиб. Просто они, наверное, по нескольку раз смеются над одним и тем же рисунком.

Что ж, их можно понять. Альбом выпущен малым тиражом, но с большим вкусом. Его приятно взять в руки, приятно и рассматривать и даже рецензировать. Впрочем, есть одно неудобство, которое возникает при рецензировании этого издания: никак не избежишь необходимости привести список:

Валентинас АЯУСКАС
Андрюс ЦВИРКА
Андрюс ДЕЛТУВА
Юозас ЮОЗАПАВИЧЮС
Юозас КАШЮНАС
Антанас КАЗАКАУСКАС
Регимантас МИДВИКИС
Арвидас ПАКАЛНИС
Ромас ПАЛЬЧАУСКАС
Альгирдас РАДВИЛАВИЧЮС
Фридрикас САМУКАС
Виталиюс СУХОЦКИС
Витаутас ШАТАС
Альгирдас ШИЕКШТЯЛЕ
Йонас ВАРНАС
Витаутас ВЕБЛАУСКАС.

Но сколь ни дефицитна журнальная площадь, не будем жадничать. Вспомним, что эти шестнадцать художников — авторы первого альбома современной литовской сатирическо-юмористической графики.

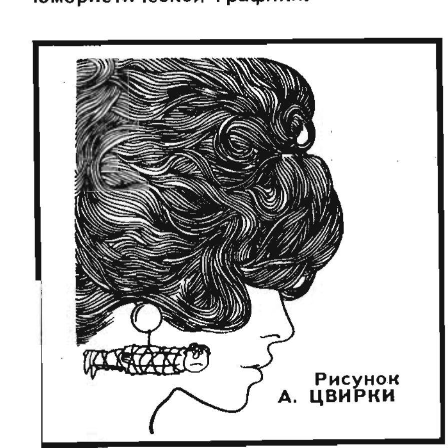


Рисунок А. ЦВИРКИ



С. СПАССКИЙ

СТРОГАЧ С ЗАНЕСЕНИЕМ

Рдели скрижали.

Осязался большой исторический шаг.

Открывалось межобластное совещание работников предприятий местной промышленности.

Прошмыгивали запотевшие организаторы.

А за буфетным столиком с ожесточением раздирал зубами бутербродную ветчину мой старый школьный дружок Коля. Теперь, безусловно, Николай Митрофанович.

— Ты ли, Коля? — воскликнул я, добавив ряд известных положений об утекшей воде, о горах, которым не суждено сойтись, о зимах и летах, требующих подытоживания.

Он дружески заулыбался и кивнул на свободное место рядом. Отложив на край тарелки непокорившийся кусок ветчины, он сказал:

— И не говори. Вот на совещание прикатил, выступать придется.

— Значит, в этой сфере вращаешься?

— И не говори, — повторил он. — Третий год директорствую на фабрике кожгалантереи. Ну, морока!

— А что такое?

Вздохнув, он сказал:

— Коллектив нашего предприятия, ставший в начале года на трудовую вахту и взявший в связи с этим повышенные обязательства, с честью выполняет их, и сейчас можно с уверенностью сказать, что годовой план будет нами выполнен.

В борьбе за повышение качества мы также добились положительных результатов: число рекламаций на наши изделия в процентном отношении к общему количеству выпускаемой продукции на третий квартал сего года составило ноль целых ноль восемь сотых процента, что по сравнению с третьим кварталом одна тысяча девятьсот шестидесятого года составляет только тридцать один и восемь десятых процента. В то же время на сегодняшний день ассортимент наших изделий составляет восемьдесят семь единиц, что превышает результат одна тысяча девятьсот шестидесятого года на сорок две единицы.

Наша главная задача на данном этапе, невзирая на отдельные трудности, не сбавлять темпы, ввиду чего ощущается необходимость еще более сплотить усилия коллектива нашего предприятия, решительнее вести борьбу с имеющимися еще недостатками, не оставлять без внимания ни одного случая выпуска недоброкачественной продукции.

Заканчивая свое выступление, я хочу от имени рабочих, инженерно-технических работников и административного персонала заверить, что мы отдадим все силы, чтобы полностью оправдать оказанное нам доверие.

Я открыл было рот, чтобы задать еще один вопрос, но тут попоросячьи заверещал звонок, оповещая о начале совещания.

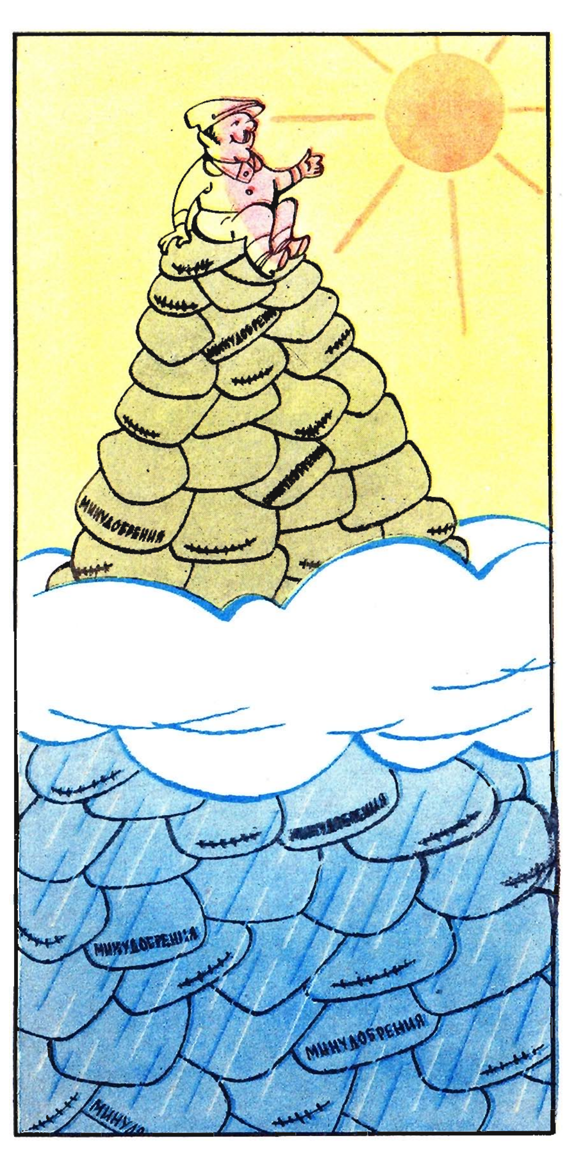
Двери зала распахнулись. Беглым винтовочным огнем защелкали откидные сиденья стульев. На сцену чинно, как ансамбль «Березка», вплыл президиум.

Вторым в прениях выступал Николай Митрофанович. Поднявшись на трибуну, он разложил перед собой исписанные листочки и, доверительно склонившись к микрофону, сказал:

— План-то мы, в общем, вытягиваем, но уж больно поставщики мне в печенки засели. Никак не добьемся, чтобы вовремя они сырье нам давали. Ну никак, прямо хоть в Москву обращайся! А что? И обращусь. Хватит. На заседаниях вроде этого катают все гладенькие слова туда-сюда, как шарики биллиардные, а что толку? К концу года-то меня завалят кожей. Еще бы, план горит! А первое полугодие волком воешь. А рабочие с дирекции требуют в первую очередь: подай работу. И правильно. На кой черт я в кабинете штаны протираю, коли ритмичность наладить на фабрике не могу? Думка у меня есть одна: надо систему штрафов специальную предложить. Не обеспечил вовремя сырьем — вынь да положь рубль. Да не государственный рубль, а свой, хрустящий, из бумажника малогабаритного, кожаного, образца «БМК-2». Вот как! И пробьюсь я это дело, чего бы мне это ни стоило! Потому что никому не дозволено в наше время безобразиям потворствовать.

* * *

Вы спросите: а почему рассказ назван «Строгач с занесением»? А это верстальщику вкатили. Верстал он этот рассказ и переставил местами тексты выступлений Коли, приятеля моего.



— Над нами не каплет!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

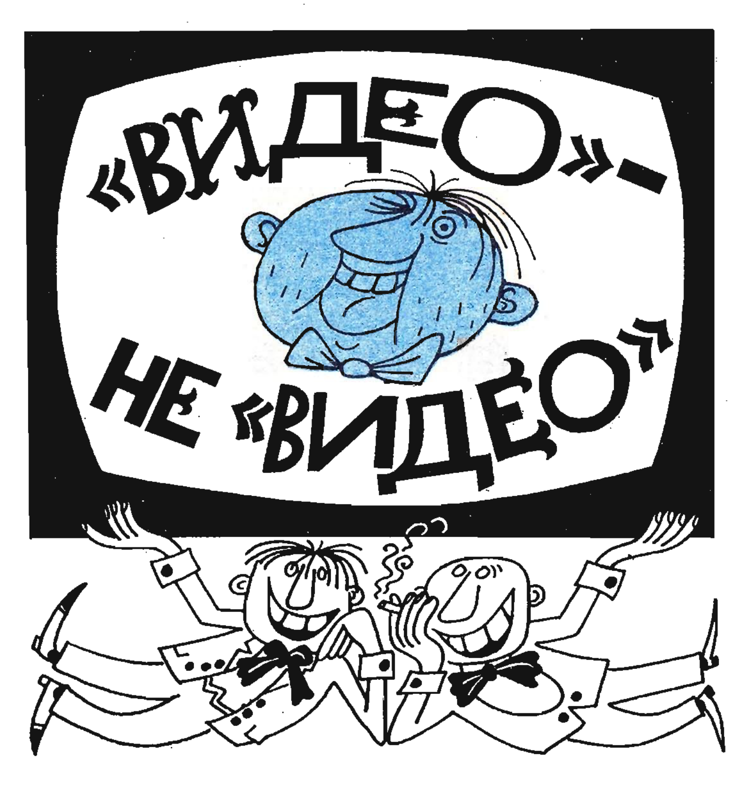


БЕЛАЯ ВОРОНА

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Дмитрий ИВАНОВ,
Владимир ТРИФОНОВ

«ВИДЕО» — НЕ «ВИДЕО»



В дни мексиканского футбольного чемпионата в Центральном доме журналистов едва не поколотили одного человека. Этот человек перед трансляцией видеозаписи очередного матча громогласно объявил его результат. Гнев болельщиков был неописуем, но не совсем справедлив. Видеозапись хотя и уничтожает основную черту ТВ — «сиюминутность», все же имеет существенные преимущества перед живой передачей.

В живой передаче человек может, не дай бог, оговориться или икнуть, певец — дать петуха, жонглер — уронить тарелку, а шпагоглотатель — на самом деле проглотить шпагу.

Лучше снимать. Лучше записывать. Как бы чего не случилось.

И ничего не случается.

За столиками, сервированными с шиком вокзального буфета, сидит три дюжины унылых людей — массовка.

Массовка не ест яблоки, положенные в вазу скупой рукой реквизитора, не пьет «Джермук», наблюдая с тоской, как со дна бутылки чудодейственной джигит-воды поднимаются и убегают веселые пузырьки. Массовка не заелась. Массовке хочется яблок и воды. Но массовка воспитана предыдущими передачами и испытана временем. Массовка знает, что вкусить запретного плода можно будет лишь после того, как режиссер крикнет магическое слово: «Съемка!» Для массовки это значит «Налетай!». Пусть сохнет горло, пусть душит кашель, массовка не подведет. Массовка — самый надежный компонент передачи. Массовка пришла сюда не музыку слушать, не выпивать и закусывать. Массовка пришла смеяться, аплодировать, ликовать по сигналу режиссера, массовка пришла работать. И она добросовестно работает.

На эстраде за легким тюлем расположился маленький джазик: саксофон, труба, гитара, ударные, контрабас и рояль. Голубой тюль — это не только элемент художественно-декоративного оформления. Тюль должен скрыть от зрителей, что ни один из шести музыкантов не знает ту песню, которая сейчас звучит, что месяц назад фонограмму этой песни записывали совсем другие музыканты, вчера уехавшие в гастрольную поездку по городам Среднего Поволжья. Но и это не все. Уехавших музыкантов было несколько больше. Там было пять саксофонов, четыре трубы и пять тромбонов. Да еще чудак-композитор в партитуру песни зачем-то ввел арфу, партия которой и была прелестно сыграна на записи очаровательной арфисткой. Арфистка, правда, в Москве и могла бы прибыть на съемку, но, узнав, что на студии нет арфы, она разумно посчитала нецелесообразным мотаться из своего ненаглядного Конькова-Горбунькова в Останкино исключительно для того, чтобы показать всем свои красивые глазки и платье в блестках.

Что же касается человека, сидящего за роялем в мешковатом костюме сизого цвета, то он, будучи осветителем из утренней смены, вообще имеет самое общее представление о конструкции и назначении стоящего перед ним инструмента. До сегодняшнего дня он был уверен, что в рояль, прежде чем играть, нужно закладывать патефонные пластинки. За рояль же он угодил исключительно потому, что имел неосторожность появиться на студии безукоризненно выбритым. Как только начинает звучать музыка, несчастный осветитель каменеет, покрывается крупным потом и дает сам себе смертельную клятву больше никогда в жизни не бриться.

Вот все это и призван скрыть легкий голубой тюль.

Звучит музыка. Между столиками движется певец. Он движется мягко, как крупный камышовый кот. Он сладко улыбается равнодушной массовке. О чем песня, зачем и почему ее написали хороший поэт и хороший композитор, его уже не заботит. Певец твердо знает две вещи: он должен быть красивым и обаятельным на экране, он должен постараться не перепутать слова песни и в артикуляции не разойтись с записью, которую он сделал давным-давно. А поэтому его девиз: легкость во всем и никакого напряжения, никаких мышц лица. Песня уже спета, теперь пусть поют мягкие движения, улыбка и, наконец, полусмокинг из бельгийского тропика, построенный у Зингера-младшего.

Массовка смотрит на него со смешанным чувством сожаления и превосходства. Камышовый кот сейчас, несомненно, в более глупом положении. Когда это ощущение становится нестерпимым, певец поворачивается спиной к телевизионной камере и в полный голос говорит массовке:

— Ого! Тут еще, оказывается, и третий куплет есть!

Телезритель этого, естественно, не слышит. Ведь сейчас идет фонограмма, и микрофон в студии выключен. Массовка добреет. Певец тоже человек. Тоже мучается.

Но вот песня подходит к концу. Забравшийся на стул режиссер вскидывает руки вверх и пронзительным дискантом прорезает еще звучащую песню:

— Внимание! Аплодисменты по моему сигналу! Повеселей, товарищи! Повеселей!

Массовка выходит из состояния спячки и напряженно застывает, готовая по первому взмаху режиссерской руки взорваться, как мина от огонька бикфордова шнура.

Взмах... Взрыв... Режиссер чувствует себя Карояном, постепенно собирая все аплодисменты в медленно сжимающиеся кулаки.

В центре студии появляется ведущий. Ни к кому не обращаясь и стыдясь самого себя, он отпускает натужную шутку по поводу наступившей жары и сухо объявляет следующий номер. Ведущий не дурак, и он с удовольствием пошутил бы, скажем, по поводу продолжающегося футбольного первенства, но передача пойдет в эфир лишь через месяц, и имена Шестернева, Пеле или Рамсея тогда уже не будут так волновать людей. Поэтому ведущий должен ехать на «вечных» темах. Про сегодняшний день он должен забыть.

Казалось бы, веселье достигло апогея. Но режиссер, искушенный в этом богом проклятом жанре, проявляет стратегическую хитрость, достойную Александра Невского. И у него за Вороньим камнем стоит до срока и бьет копытом запасная дружина боярина Беренка, которая в последний момент решит исход этого художественного побоища. Дружина эта, в обиходе именуемая ансамблем бытового танца, призвана в очередной раз посрамить западные образцы хореографической композицией, названной в угоду времени «Галогены».

Многострадальную массовку кнутом и пряником подключают к финальным па этого химического танца. Апофеозом действа является веселая паника и толчея сродни той, что возникает при посадке на воскресную электричку.

Режиссер с улыбкой конокрада удовлетворенно потирает руки и спрыгивает со стула — все готово, можно снимать!

Съемка проходит гладко. Помреж приглашает всех собравшихся в холл — оставить свои автографы в явочных листах. Массовка, давно потерявшая вкус к яблокам, джигит-воде и песням, расписывается с неожиданным проворством и тут же покидает студию. Певец тоже вдруг стал живым человеком и даже купил в студийном буфете бутерброд с сыром. А вконец измотавшийся пианист-осветитель, тяжело вздыхая, тут же уговаривает приятеля немедленно отправиться к какому-то Глебу на Конспиративную улицу и с горя хватануть пивка.

Через месяц передача выходит в эфир. От репетиции ее отличают только медленно и печально проплывающие в финале титры ее создателей. У знатоков, пишущих о телевидении, эти титры возбуждают кровожадные мысли о скором отмщении. Уж теперь-то ясно, с кого можно спросить «по большому счету» за все. За неосмотрительную шутку ведущего про жару, в то время когда внезапно налетевший северный ветер принес заморозки на почве... За то, что «сегодня у нас в студии популярный исполнитель», когда всем доподлинно известно, что в данный момент популярный не без успеха гастролирует в городе Батайске... И за то...

Впрочем, все это уже не беспокоит ни автора сценария, ни редактора, ни режиссера. У всех у них давно другие репетиции, другие передачи.



Некоторые борются с религией просто: заменяют звонарей пустозвонами.

А. ЛИГОВ

Человек семи пядей во лбу — хорошая мишень.

В. КОНЯХИН

Зачем мучить змей? Давайте добывать яд из анонимок!

В. ЛОМАНЫЙ

Только великому до смешного — один шаг. Остальным людям значительно дальше.

М. ГЕНИН

А. ЧИКАРЬКОВ

СЛОВА, СЛОВА...

— Уважаемые товарищи,— громко и вдохновенно начал он,— не надо пьянствовать! Пьянство — это основная причина болезней, это разлад в семье, горе жены, грустные глаза детей, пьянство — это потеря квалификации, потеря достоинства, потеря уважения окружающих, пьянство — это постепенный путь на дно, да, на дно, где грязь, грубость, преступление!

— Как говорит! Прямо заслушаешься!.. — восхищенно сказал дежурный вытрезвителя санитарам.— Ну, давайте его в ванну.

ПРОСТО АНЕКДОТ



Жена спрашивает мужа:
— Ты видел мужчину, который спас меня, когда я тонула?
— Да. Он приходил ко мне просить прощения.

●

Малыш возвратился с отцом с прогулки. Дома он берет телефонную трубку и говорит отцу:
— Папа, мамочка только что ушла: телефон еще горячий.

●

Подруга — подруге:
— Почему ты так нарядилась?
— Сегодня собрание...
— Что-то мне не верится, что ты ходишь на собрания.
— Не я — муж.

●

— Доктор, я все время вижу перед глазами мелькающие точки,— жалуется больной окулисту.
Врач прописал очки. Через несколько дней больной снова приходит.
— Лучше вам? — осведомляется доктор.
— Конечно, теперь я вижу мелькающие точки гораздо отчетливей.

●

На Диком Западе в те времена, когда только начиналось железнодорожное движение, группа фермеров подала в суд на железную дорогу, требуя возмещения убытков. Во время процесса судья обратился к фермеру:
— Что вас, собственно, беспокоит? Слишком быстрое движение поездов?
— Нет. Поезда двигаются слишком медленно!
— И почему это вас беспокоит?
— Пассажиры вылезают из вагонов и доят наших коров.

●

Муж возвращается с работы и видит, что жена плачет.
— Я сама испекла тебе пирожные, но когда я вышла из кухни, собака съела их все до единого.
Муж ее успокаивает:
— Не плачь, милая. Если с ней что-нибудь случится, я тебе куплю еще лучшую собачку.

●

К окошку в учреждении стоит длинная очередь. Входит человек и, минуя очередь, идет прямо к окошку.
— Встаньте в очередь! — накинулись на него другие.
— Я имею право получать зарплату без очереди.
— А эта очередь как раз состоит из тех, кто имеет право подходить к кассе без очереди.

●

С. КОМИССАРЕНКО

ЭФФЕКТНАЯ КОМБИНАЦИЯ

В заводскую команду «Флюс» (класс «Б») был приглашен новый тренер. После матча в присутствии директора завода он устроил своим подопечным разнос.

— Ну разве это футбол? — сокрушался тренер.—Ни одной эффектной комбинации! Да и вообще... Пародия! Вот вас, Веревочкин, я послал в нападение, на левый край... А вы где были? Все время возле судьи околачивались! Боитесь, что ли, что вас покалечат? Опять же семерку я послал...

— В нападение, Сергей Петрович, на правый край! — выкрикнула семерка.

— И установку ведь дал: сразу же туда и бежать — к воротам, значит, противника...

— Я и побежал! Потом только сообразил, Сергей Петрович, бегу к своим воротам...

— Сообразил! Компасы, что ли, вручать вам перед игрой, чтоб не путались? А девятку я посылал, как сейчас помню... Куда я вас посылал?

Футболист с номером «9» неприятно долго молчал, наконец вымолвил:

— Вроде далеко...

— Ну вот, не помните уж и куда... Прошу не подсказывать!

— Вспомнил, Сергей Петрович! Вы меня блуждающим форвардом назначили...

— Правильно, форвардом. А вы где блуждали? Да я же вас и на поле не видел!

— Был я там... Честное слово, был! Вот защитники могут подтвердить...

— Защитники... Да вы вообще-то играли когда-нибудь в футбол? — в сердцах воскликнул новый тренер.

Наступило тягостное молчание.

— Да что греха таить, не играли они, Сергей Петрович,— произнес директор завода.— Ведь они только числятся у нас футболистами, а вообще-то инженеры-конструкторы...

— Это зачем же такая комбинация? — недоуменно спросил тренер.

— А иначе нельзя! — пояснил директор.— Ведь с тем условием и дали нам высокие инженерные ставки, чтоб мы у себя футболистов зачислили... А мы решили инженеров взять! Поверьте, очень нужны... Да вы не волнуйтесь, Сергей Петрович, научатся они играть в футбол, еще как будут голы забивать!

— Научимся! — в один голос прокричали инженеры.



Ю. ПРОКОПЕНКО

Наша взяла!

Вероятно, у судьи испортился секундомер: третий раунд казался бесконечным. Я обессиленно висел на своем сопернике, недоумевая, почему не прекращают бой за явным преимуществом.

Еще до боя я твердо знал, что проиграю. Соперник был явно сильнее меня, техничнее и опытнее. В первом раунде я дважды побывал в нокдауне, во втором— трижды. А в третьем даже не помню сколько.

Наконец спасительный гонг. Соперник пожимает мне руку и, обняв за плечи, отводит в мой угол.

Когда, оклемавшись, я выходил из раздевалки, ко мне приблизился начальник смены.

— Не огорчайся, Коля,— похлопал он меня по плечу.— Мы всей сменой будем протестовать против решения судей. Подумать только, этому несчастному хлюпику присудили победу! Да он ведь от ветра шатается. Ему просто подсуживали!..

— К сожалению...— хотел было возразить я.

— Не к сожалению, а к счастью. Да, к счастью, все мы были в зале и все видели! Разве это судьи? — горячился начальник смены.

Через несколько дней, когда я утром пришел на завод, меня окружили товарищи.

— Добились! — радостно сообщили они.— Наш протест приняли! На этой неделе снова встретитесь. Ты ему покажешь кузькину мать! Пусть знает наших!

Соперник был настроен агрессивно. И все же мне посчастливилось продержаться до середины второго раунда.

А потом началось нечто ужасное. Шквал ударов обрушился на меня с такой силой, что защищаться было просто ни к чему.

Судья прекратил бой за явным преимуществом. А трибуны притопывали, свистели, скандировали:

— Судью на мыло!

— Ну, такого нахальства мы еще не видывали! — говорили товарищи по цеху, укладывая меня в постель.— Завтра же соберем ребят и такое напишем! Будут знать, как подсуживать! Это ж надо — прекращают бой! Да ведь ты его обязательно нокаутировал бы в третьем раунде.

Через неделю, когда врач позволил мне слегка приподниматься в постели, меня посетила делегация из цеха.

— Представляешь, они не хотели принимать наш протест. Так мы подняли на ноги всех наших лучших производственников. Даже одного Героя вовлекли. В общем, порядок! В пятницу встретишься с этим плюгавым боксеришкой. Дай ему с ходу, чтобы не встал,— посоветовали они мне на прощание.

Во Дворец спорта я ехал на такси. Друзья помогли одолеть лестницу и вскарабкаться на ринг.

Судя по тому, с каким остервенением мой соперник начал бой, я понял: произойдет неизбежное. Через пять секунд я лежал в глубоком нокауте.

В тот же вечер ко мне домой пришла делегация родного завода.

— Ты даже не представляешь,— сказал председатель месткома,— как трудно было добиться справедливости. Пришлось подключить дирекцию и шефов. И еще кое-кого! Словом, ликуй! Наш протест все-таки удовлетворили. В понедельник выходишь на ринг. Мы уверены, ты нокаутируешь этого выскочку в первом раунде!

К рингу меня доставили на носилках. Могучие руки друзей перебросили мое непослушное тело через канаты. Шатаясь, я ждал удара гонга.

Но гонг не прозвучал. К рингу подошел тренер соперника и выбросил полотенце.

— За своего воспитанника я не ручаюсь,— сказал он, грозно поглядев в мою сторону.

Представляете? Мой противник выбросил белый флажок капитуляции! Нервы у бедняги не выдержали!

С ринга меня тоже несли. На руках.

— Я ведь говорил,— аж подпрыгивал от радости начальник смены,— наша возьмет! И взяла!

Перевод с украинского

г. Киев.

Рисунок А. СЕМЕНОВА

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

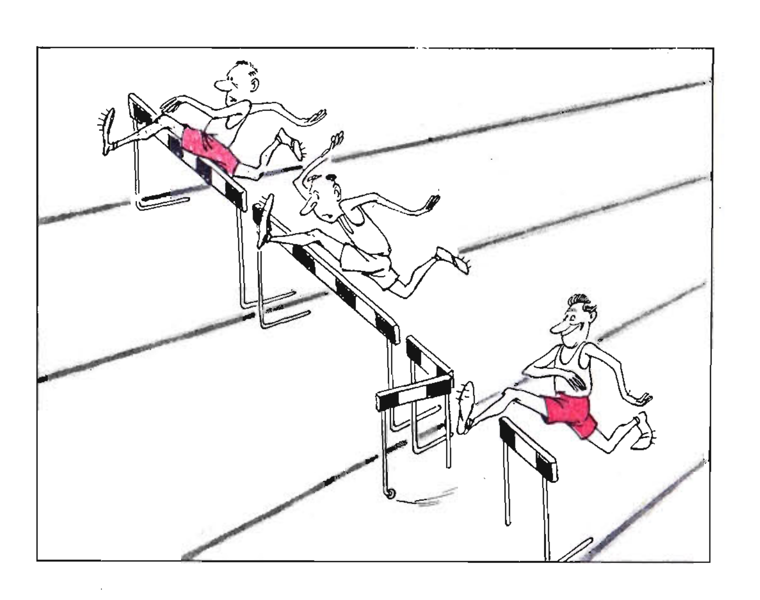


Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

— Эксплуатация такой беговой дорожки даст нам гигантскую экономию на шиповках.

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

В. ДВОРЦОВ

ЗНАКОМЫЙ КОНТРОЛЕР

Я спортивный репортер. В дни футбольного чемпионата мира, сами понимаете, захотелось написать что-нибудь интересное на столь близкую всем тему — о футболе.

Обскакать коллег-репортеров, конечно, нелегко. Но я старался. И однажды был почти у цели.

Почему «почти»? А вот послушайте.

В одном из спортивных журналов я наткнулся на интервью с контролером знаменитого мексиканского стадиона «Ацтека». Четверть века стоит старик на контроле и ни разу в жизни не смотрел футбольного состязания. Не видел даже ни одного удара по мячу. «Я всегда здесь,— рассказал контролер,— снаружи, у главного входа. Я не видел футбольных матчей, но зато повидал такого на своем посту...

Забавные бывали истории. На матче со сборной Бразилии присутствовал президент. Народу битком. Вдруг подбегает какой-то тип в форме продавца кофе. «Парень,— обращается он нахально (мне как-никак шестой десяток и борода седая),— пусти-на меня скорее, у них здесь, оказывается, нет кофе, чтобы подать президенту». «Не горячись,— ответил я ему,— сеньору президенту придется выпить свой кофе после матча».

«Эврика!» — мысленно закричал я и помчался на стадион.

Отрекомендовался заместителю директора. Изложил суть дела, и через десять минут мы уже шли знакомиться с контролером стадиона.

Мне прямо не терпелось узнать, что он переживает в дни чемпионата. Какие поведает любопытные истории из своей практики?

— Вот, Семеныч, познакомься, товарищ корреспондент. Хочет с тобой поговорить,— представил меня краснолицему мужчине заместитель директора и степенно удалился.

— Все будет в ажуре! — понимающе крикнул Семеныч вслед начальству и обратился ко мне:— Ходить будете один, с товарищем или группой? На все матчи или только на спартаковские?

Пока я в растерянности молчал, Семеныч продолжал:

— Имеет значение. За разовое посещение такса — двадцать копеек. Старый билет надо на руках иметь тоже. Для отвода глаз. Если регулярно будете посещать — рубль за шесть матчей. Деньги вперед, чтобы каждый раз с мелочью не суетиться. А для группового посещения скидка.

Не волнуйтесь, все будет в ажуре,— успокоил меня Семеныч, заметив мою растерянность.— Первый раз, конечно, страшновато. А потом привыкнете, забудете, где и касса находится...

Я был почти у цели, но репортаж не написал. Зато теперь у меня есть на стадионе знакомый контролер.

Не знаю, правда, удастся ли ему проработать там 25 лет...





КРОКОДИЛ

№ 28 (1966)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»



журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Вайсборд, В. Гинуков, Л. Горохов, А. Елисеев, С. Кузьмин, Ф. Куриц, Л. Самойлов, А. Семенов, М. Скобелев, Н. Станиловский, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тамаев, Е. Шабельник.



Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 21/IX 1970 г. А 00148. Подписано к печати 29/IX 1970 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 300 000 экз. (1 завод: 1—3 883 450). Изд. № 2081. Заказ № 2696.

■

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Ю. ФЕДОРОВ



Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.